М. Л. Юдинъ.

НАЧАЛО СНОШЕНІЙ

СЪ

Туркменскимъ народомъ.

(СЪ КАРТОЙ).

Оттискъ изъ XXIV вып. Трудовъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

ТАШКЕНТЪ
Тип. шт. Туркестанск. воен. округа.
1913 г.

Начало сношеній съ Туркменскимъ народомъ.

(Матеріалы для исторіи присоединенія Закаспійской области).

Прошло уже четверть вѣка со времени присоединенія послѣднихъ Туркменскихъ родовъ къ Русской державѣ и сводолюбивый воинственный Туркменскій народъ, забывъ про свои лихіе аламаны, вкушаетъ безмятежно подъ скипетромъ Русскаго Царя всѣ блага ненарушимаго мира.

Не безъинтересно будетъ прослѣдить, какъ начались наши сношенія съ туркменами.

I.

Знакомство славянскихъ племенъ, населявшихъ центральную часть Европейской Россіи, съ племенами, кочевавшими по степямъ, прилегавшимъ къ восточнымъ и юго-восточнымъ берегамъ Хвалынскаго моря, относится къ весьма раннему періоду русской исторіи и началось еще до возникновенія самостоятельнаго русскаго государства. Уже въ то время торговые люди изъ славянскихъ земель, расположенныхъ въ верховьяхъ р. р. Волги, Западной Двины, Волхова, вели дѣятельныя сношенія съ прикаспійскими и закаспійскими народами.

Спускаясь на своихъ стругахъ внизъ по Волгѣ, славянскіе купцы переплывали затѣмъ море и провозили свои товары, преимущественно мѣха, далеко на югъ, даже до самаго Багдада.*)

---

*) См. у Гаркави: „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ“ СПБ. 1870 г. стр. 44—58 и 130—158.

Первыя извѣстія объ этомъ у мусульманскихъ писателей относятся ко второй половинѣ IX столѣтія нашей эры (860—880 г. г.).

Къ тому же приблизительно періоду относится и первое упоминаніе въ тѣхъ же источникахъ о набѣгѣ руссовъ на южное побережье Каспійскаго моря, въ Табаристанъ. Впослѣдствіи неоднократно упоминается о подобныхъ же набѣгахъ вождей славянскихъ ватагъ. Бывавшія при этомъ неудачи не охлаждали воинственнаго пыла отважныхъ ушкуйниковъ, не удерживали лихихъ удальцовъ отъ попытокъ поискать счастья и добычи въ теплой сторонкѣ, за славнымъ Синимъ моремъ, за Хвалынскимъ.*)

Бурное нашествіе дикихъ монгольскихъ ордъ подчинило Русь владычеству татаръ и иго это надолго сковало свободу русской жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно дало возможность русскимъ близко ознакомиться съ бытомъ азіатскихъ народовъ, изучить ихъ нравы и обычаи,—что впослѣдствіи послужило къ вящему укрѣпленію и расширенію связей и вліянія Россіи въ Средней Азіи.

Послѣ сверженія монгольскаго ига возобновляются независимыя сношенія русскихъ съ прикаспійскими и закаспійскими племенами и съ теченіемъ времени развиваются все шире и полнѣе, хотя благодаря дикости этихъ племенъ не имѣютъ устойчиваго характера. Въ тоже время завязываются сношенія и съ туркменами.

Туркменскій народъ когда-то былъ весьма многочисленъ; онъ кочевалъ по Мангышлакскимъ степямъ, вдоль восточнаго побережья Каспійскаго моря Съ теченіемъ времени онъ раз-
бился на отдѣльные племена и роды, значительная часть которыхъ откочевала къ предѣламъ Хивы, Бухары, и Персіи.

Часть же туркменъ, оставшаяся кочевать на Мангышлакѣ и сѣвернѣе Кара-Бугаза, оказалась настолько ослабленной, что уже не въ состояніи была оказать сопротивленіе напору волжскихъ колмыковъ съ сѣвера.

---

*) „Поступательное движеніе въ Среднюю Азію“—Ф. И Лобысевичъ, СПБ. 1900 г., стр. 3—6.

Разрозненные аулы мангышлакскихъ туркменъ принуждены были смириться предъ ними, подпали подъ ихъ власть и почитая себя какъ бы въ ихъ подданствѣ, платили дань калмыцкому хану Аюкѣ.*). Аюка же въ началѣ семисотыхъ годовъ принялъ съ своимъ народомъ русское подданство. Такимъ образомъ и мангышлакскіе туркмены тоже оказывались въ подданствѣ Россіи вмѣстѣ съ калмыками, какъ данники послѣднихъ.

Впослѣдствіи туркменамъ удалось освободиться изъ подъ зависимости калмыковъ: русское правительство запретило послѣднимъ перекочевывать на лѣвый берегъ Яика (Урала) и калмыки уже не могли добираться до туркменъ и требовать отъ нихъ подчиненія и дани. Но это не улучшило положенія туркменъ. Съ сѣвера стали одолѣвать ихъ своими безпрестанными опустошительными набѣгами новые враги: сосѣднее сильное, многочисленное племя киргизъ-адаевцевъ. Послѣдніе принудили туркменъ отодвинутся по дальше къ югу и почти цѣликомъ выкочевать съ Мангышлака. Благодаря этому въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія наши экспедиціи, высылавшіяся изъ Оренбурга, Астрахани и съ Кавказа для обслѣдованія Усть-Урта и восточнаго побережья Каспійскаго моря, уже насчитывали въ этой мѣстности всего лишь нѣсколько сотенъ туркменскихъ кибитокъ, тогда какъ общая численность туркменскаго народа за этотъ періодъ, по свѣдѣніямъ Муравьева Борнса и Бларамберга, простиралась до 310.000 кибитокъ или 1.240.000 душъ обоего пола.

II.

Начало прямыхъ, постоянныхъ и, такъ сказать, оффиціальныхъ сношеній Россіи съ Туркменскимъ народомъ относится къ царствованію Петра Великаго, къ первымъ годамъ XVIII столѣтія, т. е. къ тому времени, когда именно туркмены

---

*) „Топогр. Оренб. губ.“ Рычкова Оренб. 1887 г. стр. 11; Этногр. и историч. матер. по Средней Азіи и Оренбург. краю“ М. Н. Галкина СПБ. 1868 г. статья „О туркмен. восточн. побережья Каспійск. моря стр. 1—48. Историч. обозрѣніе сношеній съ народомъ Туркменскимъ“, дѣло Конпел. Оренбург. генер.-губерн. за 1858 годъ по описи генер. штаба № 10: „О дозволеніи поручику Бенардаки устроить постоянное рыболовство въ Красноводск. заливѣ Каспійск. моря“.

были въ подчиненіи у калмыцкаго хана Аюки, а косвеннымъ образомъ, слѣдовательно, состояли и въ подданствѣ Россіи.

Калмыки, подчинивъ себѣ туркменъ, не довольствовались полученіемъ съ нихъ дани, а продолжали тѣснить ихъ, производили на нихъ набѣги и нападенія. Все это тяжело отзывалось на туркменахъ. Удачное ограбленіе калмыками двухъ-трехъ туркменскихъ каравановъ, шедшихъ изъ Хивы съ хлѣбомъ, заставило туркменъ задуматься надъ возможностью избавиться отъ калмыцкой опеки и искать помимо хана Аюки непосредственнаго покровительства русскихъ съ цѣлью получать хлѣбъ для своего продовольствія изъ Астрахани; при этомъ они жаловались на обиды и притѣсненія, выносимыя ими отъ калмыковъ. Тогда-то и послѣдовало запрещеніе послѣднимъ переходить за Уралъ. *)

Петръ Великій, какъ извѣстно, стремился къ расширенію торговыхъ сношеній съ иноземными народами. Въ этихъ видахъ онъ обратилъ свое вниманіе и на юго востокъ съ цѣлью войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ Средней Азіей, а черезъ нее и со сказочно богатой Индіей. Къ этому побуждали Царя и получаемыя время отъ времени извѣстія о средне-азіатскихъ богатствахъ, о золотыхъ розсыпяхъ въ верховьяхъ Аму-Дарьи и т. п. Петръ искалъ случая и возможности предоставить эти сокровища дорогой ему Россіи, поставивъ ее въ роль неустраннимаго посредника въ сношеніяхъ народовъ востока и запада, (на это Россія вправѣ была разсчитывать по своему географическому положенію между этими странами), а въ то же время занять въ новыхъ, неизвѣданныхъ странахъ свободные рынки для сбыта русскихъ произведеній.

Однимъ изъ средствъ къ достиженію намѣченной цѣли, къ пріобрѣтенію выгодъ международнаго товарообмѣна, являлся великій водный путь, пролегавшій черезъ все русское государство отъ западныхъ до юго восточныхъ границъ его и терявшійся гдѣ-то далеко на югѣ въ таинственныхъ стра-

---

*) „Этнограф. и историч. Матер." М. Н. Галкина стр. 18-25.

нахъ Средней Азіи. Важность этого пути сознавали и въ Западной Европѣ и придавали ему громадное значеніе.

Неудивительно поэтому, что у Петра, съ его кипучей дѣятельной натурой, явилось непреодолимое желаніе использовать во всей полнотѣ этотъ важный, дешевый и удобный путь для международныхъ торговыхъ сношеній въ связи съ развитіемъ любимаго морского дѣла и кораблестроенія. При этомъ Царь придавалъ особенное значеніе Каспійскому морю въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ, какъ связующему узлу двухъ внутреннихъ водныхъ путей: съ одной стороны, по Волгѣ и ея системѣ на западъ въ Европу, съ другой-по предполагавшемуся тогда теченію Аму-Дарьи въ сердце Азіи. Петръ не могъ не оцѣнить тѣхъ громадныхъ для Россіи выгодъ, какія бы принесли международныя сношенія въ этомъ направленіи, если бы на дѣлѣ оправдались всѣ возникшія предположенія. Для этого онъ прежде всего полагалъ утвердить русское господство на берегахъ Каспія, чтобы подъ его защитой русскіе люди могли свободно развивать торговыя связи, съ одной стороны—съ цвѣтущими областями Закавказья и Персіи, а съ другой—съ полудикими народами Средней Азіи, а чрезъ нихъ—съ богатой Индіей.*)

До начала царствованія Петра русская торговля на Каспіи была ничтожна: она ограничивалась сѣвернымъ побережьемъ, гдѣ происходилъ мѣновой торгъ, между прочимъ, съ туркменами, кочевавшими на Мангышлакѣ. Обычно въ то время торговыми сношеніями пользовались также какъ средствомъ собиранія свѣдѣній о сосѣднихъ странахъ. Извѣстія, которыя при этомъ стали получаться съ восточнаго берега моря, особенно заинтересовали любознательнаго Императора, породили въ немъ надежды на великую роль Россіи въ міровыхъ сношеніяхъ и возбудили въ немъ энергію къ стремленію на Востокъ. Возникшее въ это время намѣреніе мангышлакскихъ туркменъ искать непосредственнаго покровительства Россіи

---

*) Лобысевичъ, „Поступ. движ. въ Средн. Азію", 1900 г. стр. 18 - 20, Брикнеръ,—„Исторія Петра Великаго", СПБ. 1902 г. т. II стр. 161—170.

какъ нельзя болѣе пришлось кстати и вполнѣ соотвѣтствовало видамъ и замысламъ Великаго „работника на тронѣ“.

Съ ходатайствомъ о высокомъ покровительствѣ туркмены послали своего родича по имени Ходжа Нефеса. Туркменскій посланецъ прибылъ въ Астрахань въ концѣ 1713 года, а отсюда былъ отправленъ въ С.-Петербургъ. Онъ, между прочимъ, сообщилъ Царю, что въ верховьяхъ Аму-Дарьи вымывается золотой песокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ходжа Нефесъ разсказывалъ, что самая рѣка Аму прежде текла въ Каспійское море, но хивинцы изъ боязни русскихъ въ недавнее время отвели ее въ Аральское, и если разрушить устроенныя ими плотины, преграждающія прежнее теченіе рѣки, то воды послѣдней снова можно направить въ старое русло. Нефесъ предлагалъ Царю съ помощью туркменъ завоевать Хиву, завладѣть землями по Аму-Дарьѣ, а рѣку повернуть въ Каспійское море. Прибывшій въ тоже время въ Петербургъ сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ также доложилъ Царю о существованіи золотыхъ разсыпей близъ города Иркети въ Малой Бухаріи [г. Яркендъ въ Кашгарѣ].*)

Вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ 1714 г. въ Петербургъ прибылъ посланникъ хивинскаго хана Хаджи Муххамеда Амуръ-Бекъ, который не только подтвердилъ показанія Нефеса о золотомъ пескѣ и о прежнемъ теченіи Аму, но и предложилъ Царю построить при устьѣ стараго русла Аму-Дарьи, близъ Красноводской косы, крѣпость на 1000 человѣкъ, прибавивъ при этомъ, что ханъ не будетъ препятствовать этому.

— „Всѣ сіи объявленія,—пишетъ Голиковъ,—казались попечительному о благѣ отечества Государю весьма важными. Проницаніе его видѣло, что если и не найдется искомое золото, то по крайней мѣрѣ найденъ будетъ способъ къ полученію онаго посредствомъ торговли чрезъ тѣ страны съ самою Индіею“.**)

---

*) Дѣло 1858 г. № 10 „О дозволеніи пороч. Бенардаки устроить рыболовство и т. д.; М. Н. Галкинъ стр. 18.; Лобысевичъ стр. 20. Исторія Петра В. т. II стр. 165.; А. Поповъ: „Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ“, СПБ. 1853 г. стр. 2.

*) „Этногр. и истор. матер. Гонкина стр. 18-19.

Казалось, все благопріятствовало замысламъ Петра въ отношеніи направленія международныхъ сношенія Востока и Запада черезъ Россію посредствомъ возвращенія теченія большой средне азіатской рѣки въ Каспійское море и созданія такимъ образомъ непрерывнаго, великаго и безопаснаго воднаго пути съ крайняго Запада въ центръ Азіи и въ Индію.

Все это послужило побудительной причиной къ снаряженію военныхъ экспедицій: одной -- со стороны Сибири, вверхъ по р. Иртышу, къ г. Иркети, а другой—въ Хиву.

Первая, подъ начальствомъ Бухгольца, выступила въ походъ лѣтомъ 1715 года, а вторая была поручена князю Бековичу-Черкасскому; послѣдняя отправлялась подъ предлогомъ поздравленія хивинскаго хана со вступленіемъ на ханство.

Князю Бековичу поручалось также проникнуть въ Бухару, развѣдать про таинственный городъ Иркетъ и о рѣчкахъ текущихъ въ Каспійское море.

Первоначально экспедиція Бековича вышла на судахъ изъ Астрахани въ ноябрѣ 1714 г. и направилась къ Гурьеву; но за позднимъ временемъ и вслѣдствіе появившагося въ морѣ льда принуждена была вернуться назадъ въ Астрахань.

Весной 1715 г. кн. Бековичъ-Черкасскій произвелъ предварительную развѣдку на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Со своимъ отрядомъ онъ направился на судахъ къ Тюпъ-Караганскому мысу на Мангышлакѣ и занялся здѣсь разспросомъ у туркменъ вѣдомства калмыцкаго хана Аюки о прежнемъ руслѣ Аму-Дарьи.

Для провѣрки собранныхъ свѣдѣній на мѣстѣ Бековичъ отправилъ двухъ дворянъ Федорова и Званскаго вмѣстѣ съ Ходжей Нефесомъ, поручивъ имъ осмотрѣть старое русло и затѣмъ выйти къ Краснымъ водамъ (нынѣ Красноводскій заливъ). Посланные подтвердили показанія Ходжи-Нефеса и другихъ туркменъ о прежнемъ направленіи Аму-Дарьи. Между тѣмъ бывшіе въ отрядѣ морскіе офицеры произвели съемку восточнаго берега моря. На сей разъ кн. Бековичъ счелъ свою задачу оконченной и снова вернулся съ отрядомъ и флотиліею въ Астрахань въ октябрѣ 1715 года.

О результатахъ развѣдокъ Бековичъ донесъ Петру Великому съ приложеніемъ карты восточнаго побережья Каспійскаго моря.

Получивъ это донесеніе, Петръ В. командировалъ весной слѣдующаго года флота поручика Кожина для описанія и составленія карты всего Каспійскаго моря и повѣрки картъ, сдѣланныхъ экспедиціей Бековича-Черкасскаго; послѣдняго же вызвалъ къ себѣ для личнаго доклада.

Слѣдствіемъ этого и было снаряженіе въ Хиву большой экспедиціи подъ начальствомъ того же кн. Бековича-Черкасскаго имѣвшей печальный исходъ. Русскій отрядъ выступилъ поздней весной 1717 года изъ г. Гурьева и направился въ Хиву черезъ Усть-Уртъ.

III.

Участіе калмыцкаго хана Аюки и подвластныхъ ему мангышлакскихъ туркменъ въ походѣ въ Хиву, непосредственнымъ поводомъ къ снаряженію котораго послужили полученныя отъ нихъ же свѣдѣнія, было подозрительно и не надежно. *)

Правда на первыхъ порахъ, при первоначальныхъ развѣдкахъ на восточномъ побережьи, туркмены были къ намъ весьма предупредительны: съ готовностью доставляли необходимыя перевозочныя средства, содѣйствовали возведенію на восточномъ берегу двухъ нашихъ укрѣпленій, участвовали въ розыскахъ стараго русла Аму и проч.; **) но отъ непосредственнаго участія въ походѣ въ Хиву, какъ обѣщались первоначально, старались уклониться, а впослѣдствіи послѣ печальнаго исхода похода туркмены не могли удержаться отъ покушенія попытаться захватить Красноводскую крѣпость и по наущенію Хивы дважды осаждали ее и съ моря и съ суши, но были отбиты. ***)

Самъ ханъ Аюка, повидимому, велъ двуличную игру: съ одной стороны онъ, какъ бы служа русскимъ интересамъ, до-

---

*) Лобысевичъ стр. 22--29.
**) Дѣло 1858 г. № 10.
***) М. Н. Галкинъ стр. 19-я.

носилъ о враждебныхъ замыслахъ и воинственныхъ приготовленіяхъ Хивы противъ имѣвшей выступить русской экспедиціи; а съ другой – для того, вѣроятно, чтобы выгородить себя предъ хивинскимъ ханомъ и обезопасить подвластные ему улусы отъ нападеній и хищеній хивинцевъ, извѣщалъ хана о ходѣ снаряженія русскаго отряда, о его цѣляхъ и военномъ характерѣ и вообще о намѣреніи русскихъ посягнуть на независимость ханства.

Предъ выступленіемъ въ роковой походъ кн. Бековичъ-Черкасскій съ цѣлью усилить свой отрядъ милиціей изъ калмыковъ и туркменъ просилъ чрезъ особаго гонца хана Аюку прислать ему достаточное число вооруженныхъ калмыцкихъ и туркменскихъ конниковъ; но Аюка отказалъ князю въ присоединеніи своихъ людей къ русскому отряду подъ тѣмъ предлогомъ, что въ наступавшее жаркое время года движеніе по степи невозможно. Онъ лишь прислалъ нѣсколько калмыковъ и туркменъ для слѣдованія съ отрядомъ въ Хиву въ качествѣ его посольства къ хивинскому хану. Часть изъ этихъ посланныхъ Аюкою людей тайно вернулась съ пути назадъ въ свои аулы, а другіе поспѣшили пробраться впередъ въ Хиву значительно раньше отряда и распустили слухъ, что русскіе идутъ на ханство войной. Еще въ 1716 году ханъ Аюка также посылалъ въ Хиву свое посольство, съ прибытіемъ котораго положеніе находившагося въ то время въ Хивѣ русскаго гонца Воронина сильно ухудшилось, такъ какъ ханъ Аюка предупреждалъ хана Ширгазу, что подъ видомъ посольства Бековичъ идетъ съ войсками для завоеванія Хивы; вмѣстѣ съ тѣмъ Аюка старался даже отклонить Бековича отъ выполненія задуманнаго предпріятія: онъ не разъ предостерегалъ князя о недоброжелательныхъ замыслахъ Хивы противъ Россіи, при чемъ даже просилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя, неизмѣнно присовокупляя къ этому: „какъ бы худа какого не было“.

Извѣстія о военныхъ приготовленіяхъ хивинскаго хана къ встрѣчѣ русскихъ подтверждались и письмомъ, полученнымъ

изъ Хивы отъ посланныхъ туда гонцевъ Воронина и Святого.*

Но это не остановило похода, имѣвшаго печальный исходъ, благодаря лишь неосмотрительности и неосторожности начальника. Часть отряда была перебита хивинцами, другая захвачена въ плѣнъ. Самъ князь Бековичъ-Черкасскій съ двумя лицами своей свиты былъ обезглавленъ передъ ханской ставкой.**)

Неудачный исходъ предпріятія 1717 г. заставилъ насъ очистить восточный берегъ Каспійскаго моря, гдѣ мы уже заложили было въ 1716 г. двѣ крѣпости: одну на Тюбъ-Караганской косѣ „Св. Петра“, другую у „Красныхъ водъ“.

Гарнизоны этихъ крѣпостей понесли громадныя потери умершими и больными отъ неблагопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій, а главнымъ образомъ отъ недостатка хорошей воды. Начальники гарнизоновъ изъ опасенія потерять послѣднихъ людей рѣшили покинуть свои крѣпости и, сѣвши на суда, отплыли въ концѣ 1717 г. въ Астрахань, куда и добрались кое-какъ лишь весною 1718 года. Такъ закончилась первая наша попытка перебраться за Каспій, занять его восточное побережье и проникнуть въ глубь туркестанскихъ степей.***)

Но это не заставило Петра Великаго отказаться отъ своей излюбленной мысли: водворить тѣмъ или инымъ путемъ русское вліяніе въ Средней Азіи.

Царь не переставалъ добиваться осуществленія своихъ широкихъ замысловъ.

Въ слѣдующемъ 1718 году, воспользовавшись прибытіемъ въ Петербургъ посланца бухарскаго эмира, просившаго царя о поддержаніи мира и торговыхъ сношеній, Петръ отправилъ въ Бухару своего посла итальянца Флоріо Беневени.

Но и эта посылка, преслѣдовавшая тѣ же цѣли, что и экспедиція Бековича, также не имѣла успѣха, вслѣдствіе обыч-

---

*) Лобысевичъ, стр. 29—34, М. Н. Галкинъ стр. 18—19: Дѣло 1858 г. № 10.
**) Лобысевичъ, стр. 32
***) Лобысевичъ, стр. 22—33.

ныхъ въ азіатскихъ государствахъ интригъ, неурядицъ и волненій. подозрительности и недовѣрія къ иностранцамъ.

Беневени, побывавшій также и въ Хивѣ, вернулся въ Россію въ сентябрѣ 1725 года, когда уже не было въ живыхъ пославшаго его царя.*).

IV.

Съ очищеніемъ нами восточнаго побережья непосредственныя сношенія съ туркменскимъ народомъ какъ бы временно заглохли и возобновились затѣмъ съ другой стороны.

Не добившись доступа въ Среднюю Азію прямо черезъ Каспій по восточному берегу, Петръ пріобрѣтаетъ его черезъ южное побережье, утвердившись въ персидскихъ областяхъ Гилянѣ и Мазандеранѣ.**) Въ то же время онъ стремится завязать сношенія съ азіатскими народами сѣвернымъ путемъ, со стороны Сибири.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ намѣчаетъ и предуказываетъ еще и новый путь въ сердце Азіи,—путь, по которому когда-то изъ глубины азіатскихъ степей выдвигались на западъ опустошительными волнами безчисленныя орды кочевниковъ,—это пространство между Каменнымъ поясомъ и Каспійскимъ моремъ, чрезъ безпокойную въ то время Башкирію, чрезъ обширныя закамскія и заволжскія степи и черезъ примыкавшія къ нимъ степи заяицкія, т. е. черезъ Киргизъ-кайсацкія кочевья. По утвержденію Петра Великаго это ключъ и врата въ Среднюю Азію, и потому прежде всего надо подчинить русской власти эту орду, не стѣсняясь никакими издержками, „даже до милліона“.—„Хотя оная Киргизъ-кайсацкая орда степной и легкомысленный народъ, но она всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ ключъ и врата“.

Петръ Великій однако хорошо сознавалъ, что для осуществленія его видовъ и плановъ въ этомъ направленіи надо прежде подчинить русской власти коренныхъ обитателей заволжскихъ и закамскихъ земель, для чего необходимо возвести здѣсь рядъ укрѣпленій; — „изволилъ особливое попеченіе

*) Лобысевичъ, стр. 34—36.
**) Тамъ же стр. 37.

имѣть, чтобы утвердить въ тѣхъ мѣстахъ безопасность, а чрезъ то героическимъ своимъ намѣреніямъ путь во всю полуденную Азію отворить, а своевольный башкирскій народъ на вѣчное время обуздать.»*)

Неожиданная кончина помѣшала Петру выполнить этотъ планъ; но тѣмъ не менѣе онъ первый выразилъ тотъ взглядъ, который послужилъ основаніемъ и руководствомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Преемники Петра Великаго не забыли его предначертаній о пути въ Среднюю Азію чрезъ Киргизъ-Кайсацкія степи, а неуклонно слѣдовали его завѣтамъ и, хотя не съ Петровской энергіей и настойчивостью, но все же неизмѣнно подвигались впередъ въ намѣченномъ направленіи къ достиженію предуказанныхъ цѣлей*).

Въ царствованіе Императрицы Анны Ивановны былъ принятъ въ русское подданство ханъ Абулхаиръ съ подвластной ему Малой киргизской ордой; затѣмъ подчинилась и Большая Русское правительство обратило особенное вниманіе на заселеніе и укрѣпленіе линіи по р. Яику и на устройство пограничнаго съ киргизскими кочевьями пространства отъ Каспійскаго моря до крайнихъ предѣловъ Сибири.

Малая киргизская орда кочевала въ заяицкихъ степяхъ и на югѣ ея кочевья достигали береговъ Сыръ-Дарьи, Арала распространялись на Усть-Уртъ, входя въ соприкосновеніе съ кочевьями туркменъ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ туркменами съ сѣвера приходился киргизскій родъ адаевцевъ, которые не упускали случая пощипать и побарантовать своихъ южныхъ сосѣдей, подавляя ихъ своей численностью. Туркмены, кочевавшіе по Усть-Урту и на Мангышлакѣ, не всегда могли оказать серьезное сопротивленіе. Едва освободившись изъ-подъ калмыцкой зависимости, они благодаря разрозненности и малочисленности подпали подъ вліяніе киргизъ и по отношенію

---

*) П. И. Рычковъ — „Исторія Оренбургская", Оренбургъ 1896 г. стр. 4.; В. Н. Витевскій „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край," Казань 1897 г. Введеніе стр. V—VI.

**) «Что задумалъ Петръ Великій, Александръ то совершилъ». Поется въ одной казачьей пѣснѣ про Хивинскій походъ 1873 г.

къ ханамъ Малой киргизской орды держались въ нѣкоторомъ подчиненіи. Такъ, принося поздравленія султану Нурали по случаю вступленія его на ханство послѣ смерти отца его Абулхаиръ-хана, они обѣщались быть ему послушными и вѣрными Ея Императорскому Величеству и, такимъ образомъ признавали свою зависимость также и отъ Россіи.

Обстоятельство это относится къ концу сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія. Съ этого времени сношенія туркменъ съ русскимъ правительствомъ становятся болѣе частыми и болѣе дѣятельными*). Но еще въ 1743 году астраханскій губернаторъ В. Н. Татищевъ сообщалъ въ Оренбургъ, что туркмены, тѣснимые со стороны Персіи и Зюнгорами, присылали нарочныхъ пословъ къ хану (калмыцкому) Дондукъ-Омбя съ изъявленіемъ своего желанія въ числѣ 30 тысячъ кибитокъ перейти въ Россійское подданство, о чемъ даже былъ присланъ въ Астрахань указъ. Но послѣдній запоздалъ. Туркмены, получивъ отъ шаха нѣкоторыя обѣщанія, уже успѣли измѣнить свое намѣреніе и обратились снова къ Персіи. Съ своей стороны Татищевъ по нѣкоторымъ соображеніямъ не призналъ пользы отъ принятія ихъ въ русское подданство**).

Въ 1745 году въ С.-Петербургъ пріѣзжали старшины 6 туркменскихъ поколѣній, кочевавшихъ на Мангышлакѣ, съ повтореніемъ ходатайства о подданствѣ и съ просьбой о построеніи у нихъ крѣпости для защиты отъ набѣговъ безпокойныхъ сосѣдей. Депутаты, однако, были отпущены ни съ чѣмъ и на просьбу ихъ не послѣдовало никакого рѣшенія, потому что въ это время ихъ сородичи произвели насилія надъ нашими торговыми судами, возившими къ нимъ же съѣстные припасы.

Послѣ того тѣ же туркмены чрезъ посредство калмыцкихъ правителей ходатайствовали о дозволеніи имъ перейти черезъ р. Уралъ для поселенія въ нашихъ степяхъ; но и это ходатайство было отклонено изъ опасенія обоюдныхъ ихъ съ киргизами грабежей и разбоевъ.

---

*) Дѣло канц. оренб. губ. 1815 года № 10.
**) „Топогр. Оренб. губ.“ Рычкова Оренбургъ, 1887 года стр. 11.

По поводу этихъ домогательствъ коллегія иностранныхъ дѣлъ въ 1767 году представила на Высочайшее усмотрѣніе свое заключеніе, „что для Россіи нѣтъ никакой выгоды принять туркменъ подъ свое покровительство, тѣмъ менѣе считать ихъ своими подданными, ибо народъ сей, отъ природы дикій и хищный, подъ видомъ подданства ищетъ только пособія въ жизненныхъ потребностяхъ; что нѣтъ никакого способа завести съ ними благоустроенную торговлю, ибо они вмѣняютъ себѣ въ забаву грабить и убивать купцовъ или обращать ихъ въ тяжкую неволю; что единственнымъ средствомъ къ покоренію этого буйнаго народа было бы построеніе крѣпости гдѣ—нибудь на берегу Каспійскаго моря, и что вслѣдствіе того съ 1744 года дѣлаемы были многократныя покушенія къ пріисканію удобнаго мѣста для построенія такой крѣпости; но, что съ одной стороны туркмены сами дѣлали въ томъ величайшія затрудненія, а съ другой—изъ послѣднихъ свѣдѣній, сообщенныхъ инженеромъ Ладыженскимъ, оказывается, что недостатокъ въ водѣ по всему восточному берегу Каспійскаго моря служитъ непреодолимымъ препятствіемъ къ заведенію и существованію тамъ русскаго укрѣпленія“.

Послѣдовавшія затѣмъ экспедиціи въ эту мѣстность, однако, показали, насколько поспѣшно и ошибочно было такое заключеніе. *)

Несмотря на это, домогательства туркменъ не прекращались.

Съ 1775 года ханомъ у сѣверныхъ поколѣній туркменъ былъ султанъ Малой киргизской орды Пиръ-Гали (или Ширали) Нураліевъ внукъ Абулхаиръ-хана.

Пирали былъ опредѣленъ въ ханы русскимъ правительствомъ по ходатайству самихъ туркменъ, которые хотя и признавали такимъ образомъ свою зависимость отъ Россіи, но на самомъ дѣлѣ были совершенно свободны и независимы и управлялись вполнѣ самостоятельно**).

---

*) Записка въ дѣлѣ 1858 года № 10.

**) Любысевичъ, стр. 61; стр. 19—20; Записка въ дѣлѣ 1858 г. № 10; дѣло пограничн. отд. канц. оренб. воен. губ. 1835 г. «По просьбѣ Туркменъ о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи.“

Въ 1800 году ханъ Ширали, опасаясь властолюбивыхъ притязаній хивинскаго хана и въ разсчетѣ получить хорошіе подарки, снова подалъ прошеніе о принятіи его съ народомъ въ подданство Россіи, на что и получилъ согласіе. Ханъ и старшины отъ всѣхъ туркменскихъ поколѣній явились въ Оренбургъ и приняли присягу на вѣрноподданство.*) Но еще раньше, въ 1798 году ,мангышлакскіе туркмены присылали депутацію съ ходатайствомъ о построеніи у нихъ въ торговыхъ видахъ крѣпости на мысѣ Тюбъ-Караганъ.

Въ 1802 году тѣ же туркмены, навывая себя уже русскими подданными, снова возобновили это ходатайство. Ихъ старшины и батыри подали прошеніе о дозволеніи русскому купечеству торговать съ ними на Каспійскомъ морѣ въ трехъ мѣстахъ, назначенныхъ Петромъ Великимъ, гдѣ и построить для нихъ туркменъ мечети. Прибывшіе въ Петербургъ съ этимъ ходатайствомъ туркменскіе депутаты были благосклонно приняты нашимъ правительствомъ и при обратномъ отправленіи имъ вручена Высочайшая грамота отъ 16-го апрѣля 1803 года, которою мангышлакскіе туркмены Всемилостивѣйше удостоились принятія подъ покровительство Россіи. Самимъ депутатамъ въ числѣ четырехъ человѣкъ было назначено жалованье по 100 руб. сер. въ годъ каждому и пожалованы золотыя на шею медали.

Въ томъ же 1803 г. главнокомандующему въ Грузіи князю Циціанову Высочайше поручено разсмотрѣть: „какимъ образомъ просимое мангышлакскимъ народомъ укрѣпленіе сооружено быть можетъ, какого рода оному быть должно и какой гарнизонъ нужно будетъ держать въ немъ, затѣмъ составить всему смѣты и планы и представить ихъ при мнѣніи своемъ на Высочайшее разсмотрѣніе“.

Во исполненіе этого порученія было произведено обслѣдованіе восточнаго берега Каспійскаго моря, при чемъ подъ устройство русскихъ укрѣпленій избрано три мѣста: уроч. Гедикъ, Тюпъ Караганскій мысъ и устье р. Эмбы. Издержки на этотъ пред-

---

*) Лобысевичъ, стр. 64.

метъ исчесленны до 250.000 руб. ассигн. Но дѣло тѣмъ и ограничилось. Возникшее предположеніе согласно съ заключеніемъ преемника кн. Циціанова на Кавказѣ графа Гудовича было отложено „до удобнѣйшаго времени.“ По обстоятельствамъ того времени графъ Гудовичъ находилъ неудобнымъ вмѣшиваться въ туркменскія дѣла тѣмъ болѣе, что помимо денежныхъ затратъ постройка укрѣпленіи на восточномъ берегу Каспійскаго моря потребовала бы отдѣленія войскъ отъ Кавказской арміи.*)

Въ 1811 году въ Астрахань пріѣзжали шестеро туркменъ болѣе отдаленнаго рода Чаудорскаго съ просьбою о дозволеніи ихъ поколѣнію, въ числѣ 2300 семействъ поступить въ подданство Россіи и поселиться на астраханскихъ степяхъ. Такое же точно желаніе одновременно заявили еще 3600 семействъ туркменъ другихъ поколѣній.

Для перевозки новыхъ подданныхъ изъ-за Каспія въ предѣлы астраханскихъ степей первоначально предполагалось послать военныя суда, но въ назначеніи ихъ встрѣтились затрудненія. Тогда вздумали нанять купеческія. Но и это нашли неисполнимымъ. По сдѣланнымъ предварительно вычисленіямъ выходило, „что при наймѣ 5 судовъ средней величины, вмѣщающихъ каждое до 250 человѣкъ, потребовалось бы 10 лѣтъ для перевозки однихъ только 2300 семействъ, заключающихъ примѣрно до 11.500 душъ; а на перевозку на тѣхъ же судахъ скота ихъ, простирающихся до 850.000 штукъ, 1720 лѣтъ; а на все нѣсколько десятковъ милліоновъ денегъ.“

На какихъ данныхъ, кромѣ указанной подъемной силы 5 предположенныхъ къ найму судовъ, основаны эти удивительныя вычисленія,—неизвѣстно! И къ чему вдругъ понадобилось истыхъ кочевниковъ перевозить на судахъ моремъ малыми частицами съ затратою милліоновъ вмѣсто того, чтобы переселить ихъ, если было нужно всѣхъ разомъ, путемъ перекочевки по берегу и даромъ?

---

*) Дѣло 1858 года № 10; Лобысевичъ, стр. 64.

Отъ переселенія туркменъ путемъ морской перевозки пришлось отказаться.

И пріѣзжавшіе съ ходатайствомъ выборные туркмены были отправлены обратно ни съ чѣмъ. Но вскорѣ послѣ нихъ пріѣхали восемь другихъ, которые, повторивъ просьбу о принятіи ихъ въ подданство, присовокупили, что они и всѣ означенныя 5900 семействъ не желаютъ уже оставлять занимаемыхъ ими мѣстъ, а просятъ только покровительства Россіи и чтобы было позволено доставлять имъ изъ Астрахани хлѣбъ для продовольствія. Однако такъ или иначе, а нѣсколько сотенъ туркменскихъ семействъ родовъ Чаудырь, Игдырь и другихъ все-таки успѣли сами собой перебраться на западный берегъ Каспія и были поселены на Кавказско-Астраханскихъ степяхъ.*)

V.

Наши войны съ Персіей въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій заставили наше правительство обратить вниманіе и на туркменъ Іомудовъ, занимавшихъ земли по р. р. Атреку и Гюргеню и кочевавшихъ по юго-восточному берегу Каспійскаго моря.

Близко соприкасаясь съ пограничными областями Персіи, Іомуды находились въ зависимости отъ послѣдней и вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣли большія притѣсненія отъ мѣстныхъ персидскихъ властей. Въ свою очередь они при всякомъ удобномъ случаѣ старались мстить своимъ притѣснителямъ, нападали на ближайшія персидскія поселенія, грабили ихъ, уводили жителей въ плѣнъ и продавали ихъ въ рабство въ Хиву и Бухару.

Пользуясь отвлеченіемъ большей части персидскихъ войскъ для войны съ Россіей, Іомуды и совсѣмъ перестали признавать власть Персіи. Они участили свои набѣги на пограничныя персидскія области, производя тамъ страшныя опустошенія.

Такое положеніе вещей, конечно, было выгодно для Россіи и въ 1813 году главнокомандующій русскими войсками въ

*) Дѣло 1858 года № 10.

Грузіи Ртищевъ послалъ къ туркменамъ Іомудомъ астраханскаго армянина Ивана Петрова Муратова развѣдать о положеніи у нихъ дѣлъ, объ ихъ отношеніяхъ къ персидскимъ властямъ; дѣйствительно ли они отложились отъ Персіи и въ утвердительномъ случаѣ предложить имъ помощь со стороны Россіи противъ персидскаго правительства.

Результатомъ посольства было то, что одинъ изъ туркменскихъ вождей Сеидъ-Мухамедъ-Юсуфъ прислалъ къ главнокомандующему вмѣстѣ съ Муратовымъ трехъ своихъ депутатовъ, въ томъ числѣ Гусейнъ-хана и извѣстнаго впослѣдствіи Кіятъ-бека, съ письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что туркмены возстали противъ Персіи и опустошили значительную часть Астрабадской провинціи и просилъ для совмѣстныхъ дѣйствій послать русскій отрядъ къ Астрабаду.

Но туркменскіе послы прибыли въ русскій лагерь подъ Гюлистаномъ въ то время, когда тамъ находился персидскій уполномоченный Абулъ-Гусейнъ-ханъ, съ которымъ уже велись переговоры о прекращеніи войны и о заключеніи мира.

Вѣсть о прибытіи туркменскихъ пословъ и о намѣреніи русскаго главнокомандующаго въ случаѣ неуспѣшности переговоровъ перебросить сильный отрядъ на туркменскій берегъ заставили персидскаго уполномоченнаго быть уступчивѣе и сговорчивѣе. Но зная отношенія туркменъ къ персіянамъ и на сколько они, будучи поддержаны русскими, могутъ быть опасны для Персіи, Абулъ-Гусейнъ-ханъ настаивалъ на томъ, чтобы русское Правительство не входило съ ними ни въ какія сношенія. Генералъ Ртищевъ согласился и миръ съ Персіей былъ подписанъ въ Гюлистанѣ.

Такимъ образомъ туркменскіе посланцы не достигли своей цѣли. Правда, главнокомандующій обласкалъ, прилично одарилъ ихъ, обѣщая имъ покровительство Россіи, но въ то же время и объявилъ имъ, что въ слѣдствіе заключенія мира съ Персіей онъ не можетъ теперь дать имъ помощи противъ этого государства.

И послы отъѣхали ни съ чемъ.

Гуркменскій народъ былъ крайне огорченъ этою неудачею. Недовольный исходомъ посольства, онъ, однако, принужденъ былъ на время прекратить враждебныя дѣйствія противъ персовъ. Но часть Іомудовъ во избѣжаніе притѣсненій отошла на сѣверъ къ Балаханскому заливу.

Между тѣмъ Мангышлаксіе туркмены, не добившись возведенія у нихъ русскаго укрѣпленія, постепенно подпали подъ вліяніе Хивы и стали во враждебныя отношенія къ русскимъ. *)

Въ такомъ положеніи находились наши сношенія съ туркменскимъ народомъ, когда эти кочевники старались подыскать себѣ сильнаго покровителя, обезопасить свою непостоянную бродячую жизнь, оградить свои кочевья отъ предпріимчивыхъ сосѣдей, упорядочить свои сношенія съ внѣшнимъ міромъ, когда они сами тянулись къ русскому солнцу, видя въ немъ для себя надежную защиту.

Но всѣ эти попытки не привели ни къ чему, всѣ усилія оказались напрасными. Покровительство имъ иногда только обѣщалось, но ничего не исполнялось. Пришлось прекратить искательства и отвернуться въ другую сторону, признавать, хоть и непріятную, но болѣе ощутительную власть ближайшихъ сосѣдей. Тогда-то само наше правительство рѣшило возобновить сношенія съ туркменскимъ народомъ, обративъ вниманіе на ту пользу, которую можно извлечь изъ добрыхъ отношеній съ этими кочевыми племенами и отъ устройства на восточномъ берегу Каспія русскаго укрѣпленія въ смыслѣ улучшенія и развитія политическихъ и торговыхъ сношеній съ средне-азіатскими ханствами: Хивой, Бухарой, Авганистаномъ и съ Сѣверной Индіей. Новый главнокомандующій на Кавказѣ, извѣстный генералъ, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ призналъ полезнымъ возобновить сношенія съ прикаспійскими туркменами, чтобы направлять черезъ ихъ земли торговое движеніе въ сосѣднія среднеазіатскія страны, устроить на юго-восточномъ берегу гавань и складъ товаровъ.

---

*) Лобысевичъ.--стр. 65: Дѣло Канц. Оренб. военн. Губер. 1858 г. № 10.

Съ этою цѣлью въ 1819 году генералъ Ермоловъ снарядилъ и отправилъ въ приморскія кочевья туркменъ двѣ экспедиціи: одну подъ начальствомъ маіора Пономарева для изслѣдованія восточнаго побережья Каспійскаго моря и установленія постоянныхъ сношеній съ туркменскими племенами; другую подъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Муравьева съ цѣлью войти въ соглашеніе съ хивинскимъ ханомъ о направленіи торговыхъ каравановъ не черезъ Мангышлакъ, а къ болѣе южному пункту, который будетъ выбранъ русскими на восточномъ берегу моря. Обѣ экспедиціи клонились къ выполненію видовъ и предположеній Петра Великаго, къ установленію чрезъ обширныя степныя пространства постоянныхъ торговыхъ сношеній съ Индіей. Послѣдствія и на этотъ разъ не оправдали ожиданій.

Обѣ экспедиціи одновременно отправились на туркменское побережье и въ теченіе лѣта 1819 г осмотрѣли его на пространствѣ отъ Серебрянаго бугра, при устьѣ р. Гюргени до Балаханскаго залива.

Въ началѣ. казалось, все благопріятствовало успѣху предпріятія; туркмены Іомуды не только не проявили никакихъ, враждебныхъ дѣйствій, не оказывали никакихъ препятствій работамъ экспедицій, но сношенія съ ними привели къ тому что на совѣтѣ старшинъ атрекскихъ и гюргеньскихъ отдѣленій и ауловъ, кочевавшихъ у Балаханскаго залива, съ согласія самого ихъ кази (высшая духовная особа, судья), котораго они почитали за царя всего Іомудскаго поколѣнія, было постановлено, что „они на все согласны, что русскіе намѣрены предпринять и ни въ чемъ имъ недѣлать препятствій.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ туркмены убѣдительно просили о принятіи ихъ въ подданство Россіи и тутъ же назначили отъ себя къ маіору Пономареву Кіятъ-бека для нахожденія во все время экспедиціи. Затѣмъ Кіятъ-бекъ сопровождалъ Муравьева въ Хиву.

При обозрѣніи юго-восточнаго побережья для устройства укрѣпленія и торговой факторіи со складомъ товаровъ найдены два удобныхъ пункта: одинъ у Серебрянаго бугра, близъ впа-

денія въ море р. Гюргени, а другой—на берегу Красноводскаго залива.*)

Послѣ того Муравьевъ 19-го сентября 1819 г. послалъ въ Хиву, чтобы склонить хана направлять торговые караваны къ одному изъ выбранныхъ русскими на восточномъ побережьи пунктовъ.

Но достигнуть этого не удалось. Ханъ ни за что не соглашался отказаться отъ направленія каравановъ на Мангышлакъ и отправлять ихъ въ новые пункты по той причинѣ, что, хотя первый путь и длиннѣе, но зато тамъ кочуютъ преданные Хивѣ туркмены, южное же направленіе проходитъ черезъ земли враждебныхъ Іомудовъ. Уговаривая хана, Муравьевъ обѣщалъ, что въ случаѣ дружественныхъ сношеній съ нами его непріятели будутъ нашими. Но все было напрасно и Муравьевъ вернулся на Кавказъ, ничего не добившись.

Съ ними прибыли хивинскіе посланцы съ письмомъ хана къ главнокомандующему и два туркменскихъ депутата: Кіятъ-бекъ и другой уполномоченный, снабженные довѣренностью родичей. Они подтвердили рѣшеніе соплеменниковъ стать подъ покровительство Россіи.

Вскорѣ Кіятъ-бекъ съ товарищемъ былъ отправленъ обратно съ письмомъ главнокомандующаго къ туркменскимъ старшинамъ, въ которомъ сообщалось, что просьба ихъ о принятіи въ подданство представлена на Высочайшее усмотрѣніе.*)

По разсмотрѣніи донесеній и журналовъ маіора Пономарева и капитана Муравьева въ учрежденномъ тогда для азіатскихъ дѣлъ комитетѣ генералу Ермолову поручено было вновь снарядить къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря экспедицію для окончательнаго осмотра побережья, особенно же Кинделинскаго и Красноводскаго заливовъ, съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи экспедиціи онъ изложилъ свое мнѣніе о выборѣ мѣста подъ укрѣпленіе. Въ числѣ расходовъ на экспедицію было ассигновано 10 тыс. руб на подарки туркменамъ

---

*) Дѣло 1858 г. № 10; Лобысевичъ. стр. 65 и 66.
**) Лобысевичъ,—стр. 66—66; Дѣло 1858 г. № 10

Iомудамъ съ цѣлью удержать ихъ „въ благонамѣренномъ расположеніи къ Россіи.„*)

Новая экспедиція была отправлена въ 1821 году подъ начальствомъ того же Муравьева.

Результатомъ ея было обстоятельное обслѣдованіе съ инструментальной съемкой Балаханскаго залива съ островами и Красноводскою косою, гдѣ было указано мѣсто для укрѣпленія неподалеку отъ спокойной и удобной для судовъ якорной стоянки. Были осмотрѣны Балаханскіе горы съ ихъ отрогами, гдѣ есть лѣсъ, хорошая прѣсная вода и пастбища. Горы эти считались богатѣйшимъ мѣстомъ на всемъ восточномъ берегу. Соединяя всевозможныя выгоды съ хорошимъ климатомъ, онѣ могли бы по мнѣнію Муравьева при устройствѣ въ нихъ укрѣпленія привлечь со временемъ въ окрестности его многочисленныя кочевья разсѣянныхъ Iомудовъ.

VI.

Въ первой половинѣ минувшаго XIX столѣтія положеніе дѣлъ на нашей юго-восточной окраинѣ, соприкасавшейся съ среднеазіатскими степями, было крайне тревожно. Шайки степныхъ хищниковъ не давали покоя пограничному населенію. Подстрекаемые Хивой киргизы и туркмены производили частыя нападенія на линію, грабили жителей. угоняли скотъ, уводили русскихъ людей въ плѣнъ и продавали ихъ въ рабство на хивинскихъ базарахъ. Хива жила трудомъ рабовъ и работорговлей. Здѣсь былъ главный рынокъ по сбытку русскихъ плѣнниковъ, за которыхъ платили высокія цѣны. Добыча и продажа ихъ составляли выгодный промыселъ, прельщавшій лихихъ степныхъ наѣздниковъ и подвигавшій ихъ на безчисленные дерзкіе набѣги. Больше всего гибло и увозилось русскихъ плѣнниковъ съ рыбныхъ ловель на Каспійскомъ морѣ. Въ тридцатыхъ годахъ наши потери здѣсь доходили до 200 человѣкъ ежегодно и не было средствъ предотвратить ихъ.

---

*) Дѣло 1858 г. № 10

Посылка съ линіи воинскихъ отрядовъ для наказанія хищниковъ лишь въ лѣтнее время мало помогала дѣлу, не ограждала мирныхъ жителей отъ опустошительныхъ разбойничьихъ набѣговъ. Съ этой цѣлью и въ видахъ прекращенія разбоевъ на морскомъ побережьи, а также какъ будто для удовлетворенія давнихъ домогательствъ мангышлакскихъ туркменъ, наконецъ, было рѣшено устроить на восточномъ берегу Каспійскаго моря русское укрѣпленіе.

Въ 1832 году распоряженіемъ оренбургскаго военнаго губернатора графа Сухтелена была снаряжена экспедиція для осмотра сѣверовосточнаго берега Каспійскаго моря, при чемъ было выбрано мѣсто подъ постройку укрѣпленія у залива Кайдакъ, на урочищѣ Кизилъ-Ташъ, къ востоку отъ полуострова Бузачи. Въ 1834 году на этомъ мѣстѣ было устроено новое укрѣпленіе съ рыбацкой слободкой при немъ, названное Ново-Александровскимъ. Заброшенное на пустынный непріютный берегъ, оно было почти совершенно отрѣзано отъ внѣшняго міра, сношенія съ которымъ поддерживались крайне неправильно. Только зимой укрѣпленіе держало дѣйствительную связь по льду съ г. Гурьевымъ, для чего на берегу моря и на островахъ выставлялось пять казачьихъ пикетовъ. Лѣтомъ же совсѣмъ не имѣлось постоянныхъ правильныхъ срочныхъ сношеній: лишь изрѣдка въ неопредѣленное время приходили и уходили суда изъ Астрахани.

При такой заброшенности и самыя условія жизни въ укрѣпленіи были невыносимо тягостны и тоскливы: ни кусти ка, ни деревца. Неблагопріятны были также и гигіеническія условія: вода въ колодцахъ застаивалась и портилась. Все это способствовало развитію болѣзненности и смертности среди гарнизона и поселенцевъ рыбачьей слободки: цынга уносила жертву за жертвой.

Неудачный выборъ мѣста сказался и въ другомъ отношеніи: положеніе укрѣпленія не удовлетворяло самой главной цѣли его возведенія—наблюденію за морскими разбойниками, огражденію безопасности торговыхъ сношеній и рыболовства.

Оно было удалено и отъ караваннаго пути и отъ рыболовныхъ мѣстъ. Морскіе разбои и захватъ плѣнниковъ продолжались попрежнему. Слѣдить за разбойниками было невозможно: трудно было выходить съ лодками въ море по причинѣ тянувшихся кругомъ песчаныхъ мелей.

Сама собой выяснилась необходимость перемѣнить мѣсто. Въ 1846 году Ново-Александровское укрѣпленіе было брошено, а на мысѣ Тюбъ-Караганскомъ, на Мангышлакскомъ полуостровѣ, возведено новое, названное Ново-Петровскимъ а въ 1859 году переименованное въ фортъ Александровскій.

Но и новое мѣсто было не лучше прежняго. Тюбъ-Караганскій мысъ былъ безлюденъ и безплоденъ, трава не росла, а камышу хватало всего на 50 лошадей да на 300 барановъ; топлива также было недостаточно; вода—солоноватая.*)

Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи съ 1850 по 1857 г. находился въ ссылкѣ солдатомъ извѣстный украинскій поэтъ Т. Г. Шевченко

Вскорѣ послѣ устройства Ново-Александровскаго укрѣпленія въ слѣдующемъ же 1835 году была снаряжена научно-торговая экспедиція по восточному побережью Каспійскаго моря.

Цѣлью ея было: опредѣлить береговые предѣлы между Персіей и землями туркменъ, обозрѣть весь восточный берегъ моря отъ мыса Тюбъ-Караганъ до Астрабадскаго залива, а также установить торговыя сношенія съ прибрежными туркменами. Экспедиція осмотрѣла берега моря во всей подробности, не оставивъ неизслѣдованными ни одного пространства, за исключеніемъ лишь втутренности Карабугазскаго залива. Хорошія якорныя стоянки найдены: въ Астрабадскомъ заливѣ, у острова Ашуръ-Аде, при устьѣ рѣчки Багу, впадающей въ заливъ, у восточнаго берега острова Огурчинскаго и въ за-

---

*) „Ист. завоев. сред. Азіи.“ Терентьева Т. I. стр. 95; „Истор. обз. сношен. Россіи съ Туркм. народ.“ въ дѣлѣ Канц. Оренб. Воен. Губ. 1858 г. „О позволеніи поруч. Бенардаки устроать постоян. рыболовство въ Красновод. заливѣ Каспійскаго моря“; „Поступ. движ. въ сред. Азію“. Лобысевича стр. 82. „Война въ Туркменіи“.— Н. И. Гродекова. СПБ. 1883 г. стр. 90—91; Соч. М. Л. Юдина: „Взятіе Акъ-Мечети въ 1853 г., какъ начало завоеванія Коканд. ханства“, гл. II.

ливахъ Балханскомъ, Кендерлинскомъ и Александръ-Байскомъ. Но изъ всѣхъ указанныхъ мѣстъ, за исключеніемъ находящагося въ предѣлахъ Персіи Астрабадскаго залива, заслуживающими особаго вниманія въ видахъ устройства укрѣпленія и учрежденія торговой факторіи признавались островъ Огурчинскій и заливъ Балханскій.

Туркмены-іомуды, кочующіе отъ этого послѣдняго до Персидской границы, охотно отозвались на приглашеніе войти въ тѣсныя торговыя сношенія съ русскими и вмѣстѣ съ тѣмъ подали прошеніе о принятіи ихъ въ русское подданство *).

Въ томъ же 1835 году съ подобнымъ же ходатайствомъ пріѣзжали въ Ново-Александровское укрѣпленіе и въ Астрахань старшины туркменскихъ поколѣній, кочующихъ на Мангышлакскомъ полуостровѣ.

Комендантъ Ново-Александровскаго укрѣпленія подполковникъ Лихошерстовъ доносилъ Оренбургскому военному губернатору генералъ-адъютанту Перовскому, что 11 іюня 1835 г. къ укрѣпленію прибыли четыре туркмена поколѣнія Игдыръ и Бурунчукъ. Будучи приняты комендантомъ внѣ крѣпости, они черезъ переводчика татарина заявили ему, что они терпятъ угнетенія отъ хивинцевъ и отъ своихъ однородцевъ, а потому просятъ покровительства и защиты у оренбургскаго военнаго губернатора.

Угостивъ и одѣливъ ихъ подарками, подполковникъ Лихошерстовъ „отправилъ ихъ обратно въ свои мѣста“. Но 30 іюня двое изъ нихъ въ сопровожденіи уже еще четырехъ старшинъ тѣхъ же поколѣній опять пріѣхали къ Ново-Александровскому укрѣпленію и подали коменданту письменное заявленіе о возобновленіи присяги на подданство ихъ соплеменниковъ Россіи.

Подполковникъ Лихошерстовъ по обыкновенію снова угостилъ посланцевъ, одарилъ ихъ подарками и отпустилъ восвояси, обѣщавъ имъ обо всѣхъ ихъ нуждахъ довести до свѣдѣ-

---

*) Лобысевичъ.—стр. 115; Дѣло Канц. Оренб. Воен. губ. 1858 г. № 10 „О дозволеніи и руч. Бенардаки устроить постоянное рыболовство и т. д.“

нія Оренбургскаго военнаго губернатора, которому дѣйствительно и представилъ подлинное прошеніе туркменъ.

Привожу здѣсь это прошеніе въ переводѣ переводчика Костромитинова:

„Господину начальнику Ново-Александровскаго укрѣпле-
„нія Лихошерстову.

„По засвидѣтельствованіи нашего почтенія имѣемъ честь „объяснить, что мы, старѣйшины и біи трухменцевъ Икдур ва „отдѣленія, кочующіе около Мангышлака въ числѣ 1800 кибитокъ, обязаны присягою отцевъ и дѣдовъ нашихъ, в. слѣд-„ствіе коей и мы по собственному нашему желанію присягаемъ „именемъ Всевышняго быть вѣрными слугами. Отцы и дяди „(или старшія братья) наши во времена Государя Императора „Александра Павловича были въ Петербургѣ, имѣли счастіе „видѣть Его Величество, принимали присягу, пользовались „милостями Его и съ удовольствіемъ оказывали услуги свои. „А какъ старѣйшины и біи того времени уже померли, то мы, „при Васъ желая возобновить присягу, посылаемъ къ Вамъ, „4 человѣка старѣйшинъ и біевъ, а именно: сына Гаввазъ-бія „Нургали-бія, сына Маметъ-Ніязъ-бія Нурмухамедъ-бія, сына „Баба-бія Балта-муллу-бія и сына Маметъ-Кильды-бія Хучимъ-„Чаръ-бія. Если уважите сію просьбу нашу, то просимъ съ „сими посланными отъ насъ четырьмя біями увѣдомить насъ „письменно. Въ удостовѣреніе вышеозначенныхъ словъ Курман-„бахшія сынъ Ходжа-Мратъ-бія Хотямъ-Иманъ-Курманъ-Ба-„тырь руку и тамгу приложилъ. *)

Въ то же время командиръ брига „Міяна“, державшаго постъ у Тюбъ-Караганскаго мыса, 45-го флотскаго экипажа лейтенантъ Усаченко рапортомъ отъ 25 іюня 1835 г. за № 233 доносилъ Астраханскому военному губернатору, а также командиру Астраханскаго порта и Каспійской флотиліи, что къ нему явились двое старшинъ отъ тухменцевъ родовъ Кулдай-

---

* Рапортъ коменданта Лихошерстова отъ 30 іюня 1835 года за № 269 и письмо его Перовскому, въ дѣлѣ Канц. Оренб. Воен. губ. 24 іюля 1835 г. за № 131 „По просьбѣ туркменъ Игдырскаго и Бурунчукскаго племени о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи“.

скаго и Ждавдырскаго, кочующихъ за Мѣловымъ угломъ у залива Александръ-Бай, въ числѣ 5500 кибитокъ и заявили, что они съ 1807 года находятся подъ покровительствомъ Россіи, справедливость чего могли бы подтвердить свидѣтельствомъ, даннымъ отъ бывшаго въ то время астраханскаго губернатора, если бы непостигшее ихъ родъ несчастье: киргизъ-кайсаки разграбили тотъ аулъ, въ коемъ жилъ прежде бывшій ихъ старшина, который во время грабежа убитъ киргизами, при чемъ и имущество его разграблено и въ томъ числѣ пропало и означенное свидѣтельство, копія съ котораго должна храниться въ астраханскомъ архивѣ.

Повидимому, непосредственной побудительной причиной къ подачѣ такого заявленія туркменскими старшинами было желаніе выручить свои лодки, захваченныя нашими развѣдочными вооруженными лодками, посланными для осмотра восточнаго берега до зал. Александръ-Бай съ охранявшаго сѣверо-восточное побережье брига Міяна, о чемъ одновременно лейтенантъ Усаченко доносилъ особымъ рапортомъ. При захватѣ лодокъ, принадлежавшихъ, по словамъ донесенія, хищнической шайкѣ, мичману Соколовскому пришлось даже прибѣгнуть къ ружейному и орудійному огню, чтобы отогнать собравшихся для ихъ защиты вооруженныхъ хищниковъ. И вотъ туркменскіе старшины явились къ командиру брига и, заявивъ о томъ, что ихъ родичи состоятъ подъ покровительствомъ Россіи, потребовали возвращенія двухъ лодокъ изъ числа только что захваченныхъ нашими развѣдочными судами.

По ихъ словамъ, лодки эти вмѣстѣ съ другими они купили у астрабадскаго хана Хіатки; другія же лодки, оторванныя вѣроятно отъ русскихъ расшивъ или отъ рыбопромышленниковъ, прибило къ ихъ берегу вѣтромъ; всѣ эти лодки къ плаванію въ открытомъ морѣ неудобны.

Лейтенантъ Усаченко отказалъ имъ въ возвращеніи лодокъ до полученія на то разрѣшенія отъ своего начальства; но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не упустить благопріятнаго случая къ сближенію съ туркменскими старшинами и чтобы на будущее время упрочить ихъ пріязнь къ русскому правительству,

онъ одарилъ ихъ чаемъ, сахаромъ, гвоздикой, корицей, табакомъ и другими предметами, обѣщая при этомъ выслать имъ лодки черезъ мѣсяцъ и исполнить другія ихъ просьбы.

Съ своей стороны старшины увѣряли Усаченко, что они и весь ихъ народъ готовы доказать на дѣлѣ свою преданность русскимъ, утвердивъ это клятвою и выдавъ изъ своей среды аманатовъ (заложниковъ); а также обѣщали, что въ случаѣ, если они узнаютъ о покушеніи кого-либо на ограбленіе русскихъ рыбопромышленниковъ, то тотчасъ будутъ давать объ этомъ знать ближайшему военному судну. Затѣмъ старшины вновь обѣщались пріѣхать черезъ двѣ недѣли съ открытою просьбою отъ всѣхъ старшинъ и народа о принятіи ихъ въ русское подданство и о защитѣ ихъ отъ прочихъ кочевыхъ народовъ; на этотъ же разъ подали лишь краткую записку, которую лейтенантъ Усаченко и приложилъ къ своему рапорту.

По Высочайшему повелѣнію морской министръ препроводилъ копіи съ обоихъ донесеній Усаченко оренбургскому военному губернатору генералъ-адъютанту Перовскому, который въ свою очередь передалъ ихъ вмѣстѣ съ прошеніемъ, полученнымъ отъ Лихонер това, на заключеніе предсѣдателю оренбургской пограничной комиссіи генералъ маіору Генсу. Послѣдній 14 сентября того же года представилъ Первоскому общій свой докладъ по обоимъ донесеніямъ.

Генсъ одобрялъ захватъ разбойничьихъ лодокъ и признавалъ необходимымъ даже усилить дѣйствіе нашей флотиліи въ этомъ отношеніи, чтобы лишить „хищниковъ способовъ увлекать въ плѣнъ нашихъ людей и производить разбои на морѣ“.

— „Можно безусловно,—рѣшительно заявляетъ онъ, велѣть истреблять всѣ лодки, находимыя въ морѣ и по берегу онаго, если онѣ не принадлежатъ русскимъ рыболовамъ и не находятся въ ихъ рукахъ; а сверхъ того *почти необходимо* не позволять магометанамъ имѣть морскія суда и на нихъ перевозить товары изъ Астрахани къ трухменскому берегу и обратно и даже наниматься въ работники и лоцманы на таковыя суда, потому что они, т. е. магометане, по единовѣрству съ хищниками могутъ имъ способствовать въ плѣненіи русскихъ“.

При разсмотрѣніи просьбы туркмень о принятіи въ подданство генералъ Генсъ припоминаетъ, „что надъ народомъ симъ опредѣленъ былъ нашимъ правительствомъ ханъ Пиръ-Гали Нураліевъ, по просьбѣ же народа, который тѣмъ самымъ сдѣлался подданнымъ державъ Всероссійской, и хотя по смерти хана сношенія съ народомъ прекратилися, но онъ тѣмъ не менѣе долженъ почитаться состоящимъ въ подданствѣ и потому имѣетъ право на Высочайшее покровительство".

Въ заключеніе Генсъ признаетъ „полезнымъ воспользоваться случаемъ, открывшимся подачею трухменцами письменнаго прошенія подполковнику Лихошерстову, и опредѣлить на Усть-Уртѣ султана-правителя новой части подъ названіемъ Усть-Уртской".

Только послѣ того генералъ-адъютантъ Перовскій въ письмѣ къ управляющему азіатскимъ департаментомъ М. И. Д. сенатору К. К. Родофиникину сообщаетъ лишь о прошеніи туркмень племенъ Игдыръ и Бурунчукъ, поданномъ подполковнику Лихошерстову, но почему-то обходитъ молчаніемъ объ извѣстномъ уже, ему подобномъ же, ходатайствѣ туркмень, качующихъ у залива Александръ-Бай, направленномъ чрезъ командира брига Міяна.

Прилагая приведенный выше переводъ туркменской просьбы, Перовскій согласно съ мнѣніема Генса признаетъ туркмень подданными Россіи, хотя ихъ отдаленность отъ насъ и близость къ Хивѣ и прервали всѣ наши съ ними сношенія; при этомъ онъ напоминаетъ и о бывшемъ по назначенію отъ насъ у туркмень ханѣ изъ киргизъ Пиръ-Гали Нураліевѣ, добавляетъ что и поэтому туркмены дѣйствительно имѣютъ право на покровительство Россіи и въ нынѣшей ихъ добровольной просьбѣ отказывать не должно. По этой причинѣ Перовскій полагалъ бы назначить новаго четвертаго султана-правителя подъ именемъ усть-уртскаго, который долженъ вѣдать кочующихъ на Усть-Уртѣ и Мангышлакѣ киргизъ адаевскаго рода и туркмень. Новый султанъ-правитель по заключенію оренбургскихъ знатоковъ кочевого быта долженъ быть избранъ, какъ это будто-бы всегда водилось, изъ

числа киргизскихъ султановъ, чѣмъ остались бы довольны и туркмены, такъ какъ своихъ султановъ у нихъ нѣтъ вовсе, уваженіе же ихъ къ „бѣлой кости“ такъ велико, что возведеніе въ достоинство правителя простолюдина было бы не согласно съ понятіями этого народа.

Соображеніе Перовскаго съ ходатайствами туркменъ какъ родовъ Игдыръ и Бурунчукъ. такъ и Кулдайскаго и Ждавдырскаго, были внесены на обсужденіе азіатскаго комитета.

Послѣдній, прежде чѣмъ дать свое заключеніе по предложенному его вниманію вопросу, нашелъ нужнымъ узнать мнѣніе Перовскаго о возможности подчинить тѣхъ и другихъ туркменъ власти одного султана-правителя, такъ какъ Перовскій въ своемъ представленіи имѣлъ въ виду только два первыхъ рода и не говорилъ ничего о двухъ другихъ. Въ особенности же комитетъ желалъ выяснить: не встрѣтится ли какихъ-либо затрудненій, если соединить подъ одно управленіе и туркменъ и киргизовъ-адаевцевъ, такъ какъ извѣстно, что эти кочевыя племена часто враждовали между собою.

Постановленіе азіатскаго комитета было сообщено Перовскому министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Несельроде въ отношеніи отъ 25 ноября 1835 г. за № 2705.*)

Перовскій не замедлилъ отвѣтомъ. Въ своемъ представленіи министру иностр. дѣлъ отъ 10 декабря того же года за № 1741 онъ писалъ по возбужденному вопросу:

„1“ Уваженіе азіатцевъ здѣшнихъ къ „бѣлой кости“ потомковъ Чингиса, т. е. къ султанамъ ордынскимъ, такъ велико, что они (т. е. султаны), какъ извѣстно, неоднократно были избираемы даже въ хивинскіе ханы; во всякомъ случаѣ предстояло бы избрать правителя туркменцевъ изъ числа кайсацкихъ султановъ, ибо у первыхъ давно уже нѣтъ болѣе своихъ султановъ.

„2“ Несогласія туркменцевъ и адаевцевъ вообще тѣ же самыя, которыя непрестанно возникаютъ и между кайсаками разныхъ родовъ и отдѣленій: это вражда и ссоры за кочевье,

*) Дѣло Канц. Воен. Губерн. П. гранич. отдѣл. 1835 г. за № 131 „По просьбѣ туркменъ Игдырскаго и Бурунчукскаго племени о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи“.

за угонъ лошадей или барановъ. Между тѣмъ это нисколько не мѣшаетъ кайсакамъ разныхъ родовъ состоять подъ вѣдѣніемъ одного общаго султана-правителя. Въ Адаевскомъ родѣ есть даже отдѣленіе туркменъ-адай, составившееся изъ смѣси того и другого народа и образующее, такъ сказать, средину и переходъ отъ одного къ другому. Поэтому и не подвержено сомнѣнію, что назначеніе одного общаго султана-правителя для туркменцевъ и адаевцевъ не встрѣтитъ въ исполненіи своемъ никакихъ затрудненій.

Новому султану-правителю, котораго можно бы назвать южнымъ или усть-уртскимъ, по примѣру трехъ существовавшихъ Перовскій признавалъ необходимымъ придать двухсотенный казачій отрядъ тѣмъ болѣе, что южная часть орды-самая отдаленая отъ нашихъ предѣловъ и прилежитъ къ Хивѣ. Причемъ отрядъ этотъ по своему отдаленію и малолюдству должень обезопаситься легкимъ полевымъ укрѣпленіемъ и могъ быть съ пользою водворенъ на мангышлакской пристани, чѣмъ до нѣкоторой степени были бы обезпечены всѣ кочевья между Ново-Александровскомъ и Мангышлакомъ, и сверхъ этого, что еще важнѣе, мы будемъ имѣть твердую точку на самомъ притонѣ нынѣшнихъ морскихъ разбойниковъ и съ занятіемъ Мангышлака увозы людей съ Каспія должны значительно уменьшиться, а при дѣятельности новаго правителя и при расторопности начальника состоящаго при немъ отряда должны прикратиться вовсе.

Въ заключеніе Перовскій сообщилъ, что осенью того же года онъ послалъ изъ Оренбурга на Усть-Уртъ султана Исфандіяра Сугалина, человѣка толковаго и усерднаго, которому онъ поручилъ присмотрѣться тамъ къ положенію дѣлъ и къ настроенію кочевниковъ. Обо всемъ, что узнаетъ, онъ долженъ сообщить начальнику Ново-Александровскаго укрѣпленія, а также отыскивать по возможности русскихъ плѣнниковъ. Исфандіаръ Сугалинъ долженъ былъ возвратиться не позже марта 1836 года. Ожидали, что онъ доставитъ много полезныхъ свѣдѣній.

Донесеніе Перовскаго снова было передано въ азіатскій комитетъ, который и на этотъ разъ не пришелъ къ опредѣленному рѣшенію, а лишь призналъ, что „по важности сего дѣла и по разнымъ другимъ видамъ, необходимость требуетъ до приступленія къ мѣрамъ рѣшительнымъ отправить предварительно на Усть-Уртъ благонадежное лицо съ тою цѣлію, чтобы на мѣстѣ вникнуть въ положеніе тамошнихъ дѣлъ, собрать всевозможныя свѣдѣнія и данныя, развѣдать также по обстоятельствамъ, чего именно хотятъ отъ васъ туркмены, можемъ ли мы выполнить ихъ требованія, согласны ли таковыя съ нашими видами и до какой степени вообще выгодно для Россіи явное признаніе ихъ нашими подданными и проч.; а также сообразить на мѣстѣ возможность и всю выгоду и невыгоду отъ соединенія киргизцевъ и туркменъ подъ одно управленіе султана-правителя“.*)

„Тогда только по мнѣнію комитета можно будетъ приступить къ чему-либо окончательному. Виды ваши въ данномъ случаѣ состоятъ не въ томъ, чтобы именовательно (!) пріобрѣсти подъ власть Россіи еще нѣсколько полудикихъ племенъ, но въ томъ, чтобы извлечь изъ сего какую-либо положительную пользу. Польза же помнѣнію комитета могла быть двоякая: во-первыхъ, чтобы присоединеніе туркменъ къ Россіи послужило дѣйствительнымъ средствомъ къ прекращенію разбоевъ и хищничествъ по Каспійскому морю, виновниками коихъ являются туркмены и киргизы восточнаго прибрежья Каспія; вовторыхъ, чтобы, привязавъ кочевниковъ тѣмъ или инымъ способомъ къ русскому правительству, дѣйствовать чрезъ ихъ посредство на хивинцевъ, не вовлекаясь ни въ какія личныя предпріятія противъ послѣднихъ, такъ какъ подобныя предпріятія, слишкомъ шумныя, были бы не сообразны съ общимъ ходомъ нашихъ политическихъ дѣлъ и поставили бы насъ въ затруднительное положеніе. Для достиженія послѣдней цѣли надо знать, какъ велика масса киргизъ и туркменъ на Усть-Уртѣ, можно

---

*) Относ. Министр. Иностр. Дѣлъ графа Несельроде къ Перовскому отъ 6 апрѣля 1836 г. за № 661. См. дѣло канц. Оренб. Воен. Губ. 1835 г. № 131, по Погран. отдѣл.

ли добиться того, чтобы они могли единодушно дѣйствовать по нашимъ указаніямъ и могутъ ли они сдѣлаться грозными для хивинцевъ при одномъ покровительствѣ Россіи, безъ всякой помощи людьми, а только при снабженіи ихъ порохомъ, свинцомъ или другими средствами". Въ отношеніи же посылки въ такія отдаленныя мѣста казачьяго отряда комитетъ обратилъ вниманіе на то, что посылка эта сопряжена съ нѣкоторыми неудобствами и даже съ опасностью: двѣсти или триста казаковъ не устоятъ противъ хивинцевъ, если послѣдніе произведутъ на нихъ нападеніе, что весьма возможно. Поэтому, въ случаѣ назначенія къ адаевцамъ и туркменамъ на Усть-Уртъ султана-правителя, по мнѣнію комитета было бы полезно сверхъ небольшого казачьяго отряда составить при правителѣ родъ стражи или охраннаго войска изъ самихъ же этихъ кочевниковъ на тѣ средства, которыя бы потребовались на содержаніе значительнаго казачьяго отряда, выдавая ихъ этой стражѣ мукой, крупой и другими необходимыми для кочевниковъ предметами. Такіе же продукты можно бы было отпускать и почетнѣйшимъ старшинамъ въ видѣ жалованья или пенсіи, чтобы этимъ привязать ихъ къ выгодамъ Россіи. Все это могло бы служить вѣрнѣйшимъ средствомъ къ сближенію съ туркменами и киргизами, чтобы потомъ можно было заставить ихъ дѣйствовать по нашимъ указаніямъ".

На этомъ пока дѣло и остановилось.

Только въ январѣ 1838 года (№ 262) графъ Несельроде снова запрашивалъ Перовскаго о положеніи дѣла съ туркменами и о результатахъ посылки на Усть-Уртъ султана Сугалина, который возвратился въ Оренбургъ въ іюнѣ 1836 года. *).

Между тѣмъ обстоятельства въ киргизскихъ степяхъ, на Усть-Уртѣ и на восточномъ побережьи Каспійскаго моря измѣнились къ худшему.

VII.

Возведеніе Ново-Александровскаго укрѣпленія вблизи туркменскихъ кочевій и самыя просьбы туркменъ о покрови-

*) Дѣло Канц. Оренб. В. Губ. 1835 г. № 131 „По просьбѣ туркменъ о подданствѣ", донесеніе Перовскаго отъ 13 марта 1836 г. № 437.

тельствѣ не способствовали уменьшенію морскихъ разбоевъ. Напротивъ, нападенія на нашихъ промышленниковъ какъ будто даже усилились. Даже само новое укрѣпленіе подверглось въ 1835 году нападенію хищниковъ.*)

Лѣтомъ же 1836 года особенно усилились разбои и хищничество на Каспійскомъ морѣ и вблизи самаго Ново-Александровскаго укрѣпленія. Дерзость хищниковъ дошла до того, то весной того же года былъ даже захваченъ смотритель эмбенскихъ водъ, а осенью—командиръ 4-хъ пушечнаго бота со всею командою, съ орудіями и шлюпкою.**)

Кромѣ прибрежныхъ туркменъ свирѣпствовали главнымъ образомъ адаевцы, подстрекаемые хивинцами. Для наказанія хищниковъ высылался легкій казачій отрядъ къ урочищу Туйсуйганъ въ аулы адаевцевъ.

Затѣмъ въ концѣ 1836 г. произведенъ былъ зимній набѣгъ на полуостровъ Бузачи тоже для наказанія адаевцевъ. Въ набѣгѣ участвовали уральскіе казаки подъ начальствомъ полковника Мансурова, всего въ количествѣ 550 человѣкъ. Отрядъ вышелъ изъ Гурьева 20 декабря на саняхъ по льду къ укр. Ново-Александровскому. при этомъ часть его чуть не погибла. За Прорвинскими островами сильнымъ вѣтромъ взломало ледъ и 1½ сотни казаковъ были оторваны и унесены на льдинахъ въ открытое море. Уральцы посвязали отдѣльныя льдины арканами съ помощью воткнутыхъ въ ледъ пикъ и, сплотивъ ихъ, направили къ спертому береговому льду, черезъ который и выбрались на берегъ, потерявъ лишъ двухъ лошадей. 2 января 1837 г. отрядъ добрался до Ново-Александровскаго укрѣпленія, а 3 двинулся черезъ заливъ Кайдакъ по льду на полуостровъ Бузачи, внезапно напавъ на аулы въ такое позднее время, и сильно пощипалъ ихъ***.) Но это однако не образумило киргизъ.

*) Дѣло Канц. Оренб. В. Г, 1835 г. 13 декабря „Со свѣдѣніями о плѣненіи людей, о награжд. киргизовъ за оказанныя услуги и о покушеніи хищниковъ на Ново-Александр. укрѣпленіе.“

**) Истор. завоев. Средн. Азіи. Терентьева, т. I, стр. 101.

***) Дѣло Канц. Оренб. В. Губ. 1835 г. „По просбѣ туркм. о подданствѣ 1836 г.“. О командированіи изъ Уральска казак. подъ начал, Л-ка Мансурова для разбитія разбойнич. шаекъ на восточн. берегу Касп. моря“. „Истор. завоев. Средн. Азіи“, Терентьева Т. I стр. 101; Соч. М. Л. Юдина „Взятіе Акъ Мечети въ 1853 году“ Гл. II.

Несмотря на существованіе Ново-Александровскаго укрѣпленія наше положеніе на восточномъ побережьи Каспійскаго моря, какъ видимъ, не улучшалось и еще долго не могло упрочиться. Оно мало помогало или даже совсѣмъ ничего, распространенію русскаго вліянія на туркменскія племена, свободно кочевавшія по своимъ непріютнымъ, безводнымъ, безжизненнымъ степямъ,

Болѣе или менѣе ощутительное значеніе существованіе этого укрѣпленія имѣло лишь для пространства къ сѣверу отъ Усть-Урта и Аральскаго моря, къ югу же отъ этой черты и даже въ ближайшемъ сѣверо-восточномъ побережьи оно не оказывало никакого вліянія на жизнь степныхъ обитателей не имѣло ни силы, ни значенія.

Мы были недосточно знакомы съ жизнью закаспійскихъ степей, съ запросами населенія, съ его потребностями и средствами и совсѣмъ не пользовались уваженіемъ степняковъ.

Ни адаевцы. принадлежавшіе къ Малой Киргизской ордѣ, ни сосѣдніе съ ними игдыры, ни другіе ближайшіе къ намъ роды туркменъ не только не подчинялись русской власти, но даже не были обложены какою-либо податью и считали себя свободными, независимыми. Они не думали успокаиваться, не оставляли набѣговъ на пограничную линію, не отказывались отъ разбоевъ на морѣ и нападеній на нашихъ рыбопромышленниковъ. Только послѣ неудавшагося похода Перовскаго въ Хиву въ 1839—40 г.г. разбои нѣсколько сократились, но не прекратились.

Такое положеніе вещей, конечно, не могло не озабачивать наше пограничное начальство. Оно пользовалось всякимъ случаемъ, чтобы привлечь на свою сторону приморскихъ кочевниковъ, подчинить ихъ своей власти и водворить между ними порядокъ; но не успѣвало въ своихъ намѣреніяхъ: всѣ его попытки, неподдерживаемыя дѣйствительной силой, не приводили ни къ чему и оставались лишь на бумагѣ.

Въ тоже время наши отношенія съ Хивой съ каждымъ годомъ обострялись все больше и больше. Хивинскіе подстрека-

тели появлялись всюду въ аулахъ кочевниковъ, собирая зякетъ и возбуждая ихъ противъ русскихъ. Разстояніемъ они не стѣснялись и подъ покровомъ ислама забирались иногда очень далеко къ единовѣрцамъ. Иногда хивинскіе „зякетчи“ (сборщики податей) производили сборъ пошлинъ даже на оренбургскомъ мѣновомъ дворѣ. Но Хива особенно свободно и безнаказанно распространяла свои притязанія на Усть-Уртъ и, стремясь закрѣпить подъ собой и подчинить своей власти кочующихъ тамъ туркменъ и адаевцевъ, даже назначила отъ себя туда ханомъ русскаго бѣглеца Каипъ-Галія.

Тянувшіеся въ то время нескончаемые переговоры съ Хивой о выдачѣ русскихъ плѣнниковъ и по торговымъ вопросамъ не давали надежды на благопріятный исходъ. А потому послѣдовало распоряженіе задержать и арестовать въ Оренбургѣ и въ другихъ городахъ хивинскихъ торговцевъ съ ихъ товарами.

Совокупность всѣхъ этихъ причинъ не могла благопріятствовать дѣлу присоединенія туркменъ къ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и назначенію къ нимъ и къ адаевцамъ общаго султана правителя. Пока приходилось отложить выполненіе этихъ предположеній на неопредѣленное время въ ожиданіи болѣе благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, такъ какъ поспѣшное назначеніе и водвореніе на Усть-Уртъ султана-правителя, ставленника правительства, только могло бы повредить исходу нашихъ переговоровъ съ Хивой. Этотъ нашъ шагъ въ степи несомнѣнно озлобилъ бы хана, который почелъ бы его за начало непріязненныхъ дѣйствій и совсѣмъ бы отказался отъ продолженія переговоровъ и отъ выдачи русскихъ плѣнниковъ, что не соотвѣтствовало нашимъ разсчетамъ.

Къ тому же собранныя султаномъ Сугалинымъ свѣдѣнія были недостаточно полны, чтобы можно было основать на нихъ постановленіе объ учрежденіи должности четвертаго султана-правителя въ степи для Усть-Урта и о принятіи туркменъ въ русское подданство.*)

---

*) Дѣло канц. Оренб. В. Губ. Погр. отдѣл. 1835 г. „По просьбѣ туркменъ о подданствѣ.

Таково было положеніе дѣла въ мартѣ 1838 года.

Между тѣмъ въ томъ же году туркмены родовъ, кочующихъ на Мангышлакѣ, снова возобновили свои домогательства о принятіи ихъ въ русское подданство.

22-го іюля 1838 г. къ коменданту Ново-Александровскаго укрѣпленія снова явилось трое туркменскихъ старшинъ и подали письменныя просьбы о принятіи ихъ подъ защиту и покровительство Россіи. Двѣ изъ этихъ просьбъ были написаны еще въ 1835 году, а третья въ 1837 году. Просители, повидимому, выжидали удобнаго случая для доставленія ихъ, опасаясь хивинцевъ.

Въ своихъ просьбахъ туркмены указывали на то, что ихъ предки присягали на вѣрноподданство Россіи еще въ 1710 году, при императорѣ Петрѣ I, и съ тѣхъ поръ они считаютъ себя подданными русскаго Государя; но находясь вполнѣ во власти хивинскаго хана, принуждены скрывать свое постоянное расположеніе къ русскимъ въ ожиданіи отъ нихъ помощи и защиты. *)

Донося о просьбахъ туркменъ графу Несельроде**), генералъ-адъютантъ Перовскій высказываетъ по этому поводу уже нѣсколько иной взглядъ, чѣмъ прежде: онъ говоритъ, что положеніе туркменскаго народа позволитъ исполнить его желаніе только тогда, когда будетъ рѣшено оказывать ему защиту вооруженною рукою; во всякомъ иномъ случаѣ подданство это, какъ доселѣ и было, будетъ мнимое и кромѣ того послужитъ только гибелью для самихъ туркменъ, не принеся ни имъ, ни намъ ни малѣйшей пользы. Раздробленный и разсѣянный кочевой народъ этотъ по необходимости повинуется тому владѣльцу, къ предѣламъ коего приближается; въ народѣ этомъ нѣтъ и быть не можетъ ни самостоятельности, ни единодушія въ дѣлахъ и поступкахъ, ни общности въ силѣ и дѣйствіи. Поэтому онъ самъ по себѣ не въ состояніи возстать противъ Хивы, которая при всей ничтожности своей легко

---

*) Дѣло Погран. отдѣл. Канцел. Оренб. Воен. Губерн. 1838 года „По просьбѣ Туркменъ о принятіи въ подданство Россіи".

**) 22 августа 1838 года № 103.

можетъ истребить огнемъ и мечемъ каждое туркменское племя по одиночкѣ. Только подъ дѣйствительнымъ покровительствомъ Россіи туркмены могли бы устрашить Хиву; иначе новое покушеніе ихъ вступить въ подданство Россіи, если дойдетъ хотя по темнымъ слухамъ до Хивы, можетъ только послужить имъ же во вредъ;

Въ заключеніе генералъ Перовскій полагалъ бы полезнымъ лишь обласкать туркменскихъ старшинъ и наградить ихъ усердіе какими либо подарками, не давая имъ положительнаго и оффиціальнаго отвѣта во избѣжаніе могущихъ произойти отъ этого гибельныхъ для нихъ послѣдствій.

Государь Императоръ согласился съ такимъ мнѣніемъ и повелѣлъ ассигновать на подарки туркменскимъ старшинамъ за ихъ усердіе 2000 руб. ассигнаціями. Пріобрѣтеніе подарковъ и раздача ихъ туркменскимъ старшинамъ, приверженцамъ русскаго правительства, возложены были на коменданта Ново-Александровскаго укрѣпленія подполковника Лихошерстова.

Въ 1839 году, готовясь къ походу въ Хиву, выступая противъ нея съ явно враждебными намѣреніями, съ цѣлью показать ей силу русскаго оружія, генералъ Перовскій уже самъ призналъ своевременнымъ вовобновить сношенія съ туркменами. Онъ просилъ разрѣшенія вызвать ихъ старшинъ для принятія отъ нихъ вѣрноподданической присяги и врученія имъ подарковъ, имѣя при этомъ въ виду, если не воспользоваться ихъ дѣйствительнымъ содѣйствіемъ противъ Хивы, то хотя до нѣкоторой степени обезпечить себя относительно не пріязненныхъ дѣйствій нѣкоторыхъ туркменскихъ племенъ во время предпринятаго противъ Хивы похода. Позволеніе было дано, но какихъ либо существенныхъ послѣдствій оно не имѣло.

Въ слѣдующемъ 1840 году, уже послѣ хивинскаго похода, упоминавшійся выше Кіятъ-бекъ, не задолго предъ тѣмъ возведенный персидскимъ правительствомъ въ ханы, въ поданномъ прошеніи отъ имени всего поколѣнія іомудовъ самымъ убѣдительнымъ образомъ ходатайствовалъ о покровительствѣ

Россіи. Ходатайство это, какъ и прежде, было также подкрѣплено согласіемъ старшей въ поколѣніи духовной особы*).

Кіятъ-бекъ или Кіятъ-ханъ сталъ извѣстенъ со времени экспедиціи Пономарева и Муравьева. Послѣдняго онъ сопровождалъ въ Хиву въ 1819 году, а затѣмъ былъ въ Тифлисѣ у главнокомандующаго вмѣстѣ съ другимъ депутатомъ и съ письменной же просьбой отъ іомудскаго поколѣнія туркменъ. И въ этотъ разъ, какъ и тогда, просьба ихъ осталась безъ удовлетворенія.

Спустя 16 лѣтъ, въ 1856 году, туркмены, кочующіе у залива Александръ-Бай, снова просили о русскомъ покровительствѣ и защитѣ, при чемъ даже вызывались сами устроить тамъ укрѣпленіе для русскаго гарнизона**).

Вслѣдъ за тѣмъ туркмены рода Ходжа прикочевавъ въ числѣ 74 кибитокъ къ Ново-Петровскому укрѣпленію, перенесенному на новое мѣсто и замѣнившему Ново-Александровское, просили его коменданта принять ихъ въ русское подданство, причемъ передавъ ему грамоту, полученную ими отъ хивинскаго хана, ходатайствовали о выдачѣ имъ взамѣнъ ея таковой же отъ имени главнаго начальника оренбургскаго края.

Желаніе этихъ просителей было исполнено. Съ выдачею свидѣтельства на право кочеванія въ русскихъ предѣлахъ на Мангышлакѣ вблизи укрѣпленія имъ были предоставлены всѣ права и преимущества наравнѣ съ другими подданными Россіи. *)

Лѣтомъ 1859 года ханъ туркменовъ, кочующихъ на хивинской границѣ, Ата-Муратъ, его мехтеръ и 32 чел. почетнѣйшихъ ихъ родичей, писали султану-правителю западной части Малой киргизской орды, состоявшей въ оренбургскомъ вѣдомствѣ, о своемъ желаніи прекратить постоянную вражду съ киргизами и перейти въ совершенное подданство Россіи съ

---

*) Дѣло Канц. Оренб. Губ. „По ходатайству туркменъ о принятіи ихъ въ подан. Россіи“ въ 1858 г.

**) Дѣло Канц. Оренб. и Сам. Ген.—Губ. 1858 г „Опозволеніи поруч. Бенардаки устроить рыбол. въ Красnов. заливѣ Касп. моря“.

*) Тоже дѣло 1858 года.

тѣмъ, чтобы имъ были отведены для кочеванья мѣста по берегу Каспійскаго моря, болѣе отдаленныя отъ предѣловъ Хивы, такъ какъ они, убивъ трехъ хивинскихъ хановъ, не могли надѣяться жить въ хорошихъ отношеніяхъ съ Хивою. То же самое подтвердили посланцы Ата-Мурата, представлявшіеся въ томъ же году на р. Эмбѣ оренбургскому генералъ-губернатору Катенину при объѣздѣ послѣднимъ киргизской степи. Затѣмъ весной 1859 года Ата-Муратъ совмѣстно съ отложившимся отъ Хивы узбекомъ Мухаммедъ-Фаной предлагалъ принять въ русское владѣніе занятый ими хивинскій городъ Кунградъ, а также и устья Аму-Дарьи ***). Но и это предложеніе не было принято.

VIII.

Рядъ перечисленныхъ ходатайствъ туркменскихъ племенъ, настойчиво домогавшихся отъ русскаго правительства дѣйствительнаго покровительства и защиты, какъ видимъ, не имѣлъ положительнаго успѣха. А между тѣмъ во внутренней и внѣшней жизни этихъ кочевыхъ племенъ происходили значительныя перемѣны, особенно въ правленіе Хивой Мухамедъ-Рахимъ-хана.

На всѣ настойчивыя заявленія туркменскаго народа о добровольномъ подчиненіи русское правительство мало обращало вниманія, ограничивалось лишь изслѣдованіями морского побережья, ни мало не заботясь о томъ, чтобы закрѣпить за собой право на него и чтобы взять наконецъ отдаленный край въ дѣйствительное свое владѣніе, наоборотъ Хива, благодаря близкому сосѣдству и пользуясь всякимъ насиліемъ, стремилась въ полной мѣрѣ проявить свою власть надъ отдѣльными племенами туркменскаго народа. Она постепенно распространяла между ними свое вліяніе и твердо подчиняла ихъ своему господству.

Обширныя туркменскія земли между Каспійскимъ моремъ и Аму-Дарьей болѣе удобны для кочевой жизни лишь по своимъ окраинамъ. гдѣ есть въ достаточномъ количествѣ прес-

---

***) „Этногр. и истор. матер. по Средней Азіи и Оренбургск. краю“ М. Н Галкина СПБ. 1868 г. стр. 22.

ная вода, здѣсь раскидывались гуркменскіе аулы. Въ глубину своихъ непріютныхъ степей кочевники заходятъ со своими стадами лишь на короткое время, при наступленіи холодовъ, для пастьбы скота. Вотъ это-то обстоятельство и ставило ближайшія туркменскія племена въ непосредственную и тяжкую зависимость отъ хивинскихъ властей. И честолюбивый Мухаммедъ-Рахимъ не преминулъ имъ воспользоваться во всей полнотѣ.

Онъ началъ съ того, что нѣсколько тысячъ кибитокъ различныхъ туркменскихъ поколѣній подъ предлогомъ ихъ непокорности отдѣлилъ отъ однородцевъ, переселилъ въ окрестмости г.г. Куня-Ургенча, Ильялы, Ташауза, Кипчака, Ходжейли и отвелъ имъ тамъ необходимыя земельныя угодья. Туркмены осѣли здѣсь болѣе прочно и занялись земледѣліемъ. Остальныхъ туркменъ ханъ обложилъ податью, поставилъ надъ ними своихъ начальниковъ съ большими полномочіями, даже съ правомъ казни, обязалъ ихъ кромѣ того выставлять по его требованію въ ханское войско по одному всаднику отъ каждыхъ трехъ кибитокъ *) и проч.

Неограниченное владычество Хивы, конечно, не могло нравиться туркменамъ и возбуждало въ нихъ общую ненависть къ ханскимъ властямъ; но по мѣрѣ удаленія туркменскихъ кочевокъ отъ предѣловъ ханства подчиненіе это все болѣе ослабѣваетъ.

Обитавшіе по восточному берегу Каспійскаго моря и къ югу отъ Хивы туркменскіе роды оставались такимъ образомъ почти въ совершенной независимости, несмотря на всѣ ухищренія противъ нихъ хана Мухаммедъ-Рахима. Туркмены, кочевавшіе на пространствѣ отъ Александровскаго форта до Кара-Бугаза, считали себя русскими подданными и довольно покорно повиновалась коменданту форта Большая часть этихъ туркменъ занималась рыболовствомъ. Добытую рыбу они сбывали армянамъ форта въ обмѣнъ на хлѣбъ, котораго у себя не

---

*) Даниловскій „Описаніе хивинск. Ханства“, зап. И. Р. Г. общ. кн. V стр. 43-46. Дѣло канц. Оренб. ген.-губ. 1858 г. № 90 „О дозволеніи поруч. Бенардаки и т. д.

имѣли, и на другіе домашніе предметы, причемъ армяне жестоко ихъ обманывали, продавая хлѣбъ по дорогой цѣнѣ, а рыбу получая по дешевой *). Спасаемые отъ притѣсненій хивинскихъ чиновниковъ лишь одной своей отдаленностью и эти туркмены все же въ знакъ своей покорности мусульманскому правителю время отъ времени посылали въ Хиву подарки, преимущественно лошадей. Къ этому вынуждала ихъ крайняя необходимость въ зависимости отъ хода торговыхъ сношеній. Помимо рыболовства занимаясь также караванной перевозкой товаровъ, отправляемыхъ отъ Астрахани въ Хиву и обратно, туркмены часто бывали въ предѣлахъ ханства и часто находились во власти ханскаго правительства и его чиновниковъ, которые во всякое время могли захватить ихъ; при неудовольствіи же хана на ихъ родъ они могли стать отвѣтчиками за него безъ всякой личной своей вины. Кромѣ того туркмены по необходимости бывали на хивинскихъ базарахъ и для мѣны своего скота и его продуктовъ на хлѣбъ и другіе жизненные припасы, не имѣя возможности пріобрѣтать ихъ другимъ способомъ.

Туркмены, кочевавшіе къ югу и юго-востоку отъ Хивы могли бы, конечно, прибѣгать къ покровительству и защитѣ Персіи; но они по опыту знали, какъ ненадежно заступничество персидскаго правительства, которое не въ силахъ было выручать изъ тяжкаго рабства въ Хивѣ даже своихъ собственныхъ подданныхъ. Къ тому же аламаны или набѣги на сосѣднія персидскія области давали туркменамъ большія выгоды, хорошую добычу, служили имъ прекраснымъ, почетнымъ и легкимъ средствомъ къ добыванію всего необходимаго для жизни черезъ продажу захваченныхъ персидскихъ плѣнниковъ въ Хиву и Бухару. Съ поступленіемъ же подъ защиту и въ подчиненіе Персіи они неминуемо должны были лишиться этого любимаго и благороднаго по ихъ понятіямъ источника доходовъ, а потому туркмены постоянно находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ Персіей.

---

*) Сборн. матер. по Средн. Азіи, М. Н. Галкина стр. 22.

Іомуды, кочевавшіе южнѣе Кара-Бугаза, чувствовали себя независимѣе своихъ сѣверныхъ собратьевъ и родичей. Имѣя своими житницами долины р.р. Атрека и Гюргеня, они при томъ же легко могли получать хлѣбъ какъ изъ Персіи, такъ изъ Хивы, а потому совсѣмъ не нуждались въ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими купцами и промышленниками. Наши же торговцы на оборотъ находили выгоднымъ закупать у нихъ рыбу, вслѣдствіе ея высокихъ качествъ и изобилія, а также и другія мѣстныя произведенія, потому неоднократно рисковали заводить съ ними торговлю. Такъ, наши торговцы въ началѣ XIX ст. открыли было торговлю въ Красноводскомъ заливѣ, надѣясь отсюда завести ближайшія торговыя сношенія и съ Хивою; затѣмъ пытались торговать съ прибрежными жителями въ Гассанъ-Кулинскомъ и Астрабадскомъ заливахъ, гдѣ разсчитывали сбывать свои товары не только туркменамъ, но и персамъ. Къ сожалѣнію всѣ подобныя единоличныя самостоятельныя и разрозненныя попытки нашихъ купцовъ завести торговлю на туркменскомъ берегу безъ поддержки и прямого содѣйствія нашего правительства успѣха не имѣли. Туземцы, не испытывая острой нужды въ предметахъ первой необходимости при кочевомъ первобытномъ образѣ жизни, довольствовались малымъ, не имѣли излишнихъ потребностей и не дѣлали запасовъ ни рыбы, ни своихъ произведеній, которые бы принуждены были сбывать нашимъ торговцамъ. Они лишь имѣли въ виду, какъ бы удачнѣе пограбить нашихъ купцовъ и даромъ безъ труда завладѣть всѣмъ ихъ имуществомъ, что имъ нерѣдко и удавалось.

Относиться спокойно къ такому положенію вещей мы не могли и силою обстоятельствъ были вынуждены принять дѣйствительныя мѣры къ пресѣченію этого зла, къ огражденію цѣлости имущества и торговыхъ интересовъ русскихъ подданныхъ въ персидскихъ водахъ, тѣмъ болѣе, что сами персы были безсильны предпринять что-либо въ этомъ отношеніи, туркмены донимали ихъ самихъ и съ суши и съ моря. Не имѣя на Каспійскомъ морѣ собственныхъ военныхъ судовъ: персидское правительство не въ состояніи было противодѣйст-

вовать морскимъ разбоямъ и расправляться съ разбойниками туркменами. Оно само обращалось къ русскому правительству съ просьбой оказывать содѣйствіе въ этомъ отношеніи.

Въ 1840 году состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи къ персидскимъ берегамъ русскаго военнаго брига для наблюденія за туркменами. А въ 1842 году по случаю предположенной персидскимъ правительствомъ постройки укрѣпленія на островѣ Челекенѣ была послана для крейсерства у туркменскихъ береговъ и въ Астрабадскомъ заливѣ даже цѣлая эскадра подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Путятина, который на пароходѣ „Кама“, между прочимъ, заглянулъ въ заливъ Гассанъ-Кули, гдѣ сжегъ нѣсколько десятковъ туркменскихъ разбойничьихъ лодокъ. Такимъ образомъ установилось постоянное наблюденіе нашими военными судами за безопасностью русской торговли въ южной части Каспійскаго моря. Пунктомъ для якорной стоянки крейсерскихъ судовъ съ 1841 года былъ избранъ островъ Ашуръ-аде при входѣ въ Астрабадскій заливъ. На немъ была устроена и торговая факторія со складами товаровъ.

Съ устройствомъ ашуръ-адинской морской станціи и учрежденіемъ нашего консульства въ Астрабадѣ торговыя сношенія наши съ туркменскимъ побережьемъ и съ Персіей пріобрѣтаютъ уже болѣе прочное и устойчивое положеніе.

На первыхъ порахъ туркмены относились враждебно къ принятымъ нами мѣрамъ для пресѣченія ихъ разбойничьихъ нападеній на торговыя суда, но тѣмъ не менѣе принуждены были подчиниться установленному порядку на полученіе доступа ихъ лодкамъ въ Астрабадскій заливъ; вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ явилась потребность къ обмѣну своихъ произведеній на русскіе товары. Съ тѣхъ поръ туркменскіе грабежи въ юго-восточномъ углу стали уже рѣдкостью.*)

IX.

Одной изъ побудительныхъ причинъ, заставившихъ наше

*) Лобысевичъ „Поступат. движеніе въ Среднюю Азію“ СПБ. 1900 г. стр. 116 и 117; Сборн. матер. по Средней Азіи М. Н. Галкина СПБ. 1868 г. стр, 23 и 29.

правительство послать крейсерскія суда къ юго-восточному по бережью Каспійскаго моря, какъ мы видимъ, было между прочимъ выяснившееся намѣреніе персидскаго правительства занять островъ Челекенъ и построить на немъ укрѣпленіе.

Подобный шагъ со стороны персовъ совсѣмъ не соотвѣтствовалъ видамъ и интересамъ русскаго правительства. Оно само разсчитывало прибрать этотъ островъ къ своимъ рукамъ, какъ выгодное пріобрѣтеніе и какъ удобный наблюдательный и опорный пунктъ на морѣ.

Еще въ тридцатыхъ годахъ XIX ст. оренбургскій военный губернаторъ генералъ-адъютантъ Перовскій указывалъ на выгоду и на возможность свободно и на законномъ основаніи взять въ свое вѣдѣніе лежащій у юго-восточнаго берега Каспійскаго моря островъ Челекень (нефтяной), уже и тогда извѣстный своими богатыми нефтяными источниками. При этомъ Перовскій далъ описаніе острова и исторію его занятія туркменами во главѣ съ Кіятъ-бекомъ.

Свѣдѣнія, приводимыя Перовскимъ, довольно интересны, особенно въ виду того значенія, которое островъ Челекенъ пріобрѣтаетъ въ настоящее время, а потому я приведу ихъ полностью съ сохраненіемъ правописанія.

„Островъ Челекень, Черекень или Нефтяной,—писалъ Пе„ровскій въ своемъ отношеніи къ управляющему азіатскимъ „департаментомъ М. Ин. Дѣлъ сенатору Родофиникину отъ 28 „октября 1836 г. за № 1558,—лежитъ верстахъ въ 20-ти отъ „береговъ между заливами къ сѣверу Красноводскимъ, а къ „югу Челекенскимъ. Островъ имѣетъ въ длину до 25, а въ „ширину до 15 верстъ. Западный берегъ его крутъ и возвы„шенъ; восточный пологъ и песчанъ. Островъ довольно го„ристъ. Почва какъ на западномъ берегу, такъ и внутри ост„рова каменисто-солончаковая. По всему острову разбросаны „богатые источники нефти бѣлой и черной, или горной смолы, „и есть кромѣ того соль“.

„Около 1820 года островъ былъ еще необитаемъ. Турк-
„менецъ Кіятъ, сынъ простолюдина, бывшій въ Астрахани и
„знавшій нѣсколько порусски, какъ смѣтливый и расчетли-
„вый человѣкъ, обратилъ вниманіе свое на Челекень. Поѣзд-
„ка въ Астрахань, изученіе русскаго языка и предпріимчи-
„вость его дали ему нѣкоторый вѣсъ между единородцами его;
„онъ подговорилъ нѣсколькихъ туркмень бѣжать отъ старшинъ
„своихъ и поселиться на Челекенѣ. Здѣсь онъ былъ избранъ
„старшиною новаго поселенія и вслѣдъ за тѣмъ удачно вос-
„пользовался путешествіемъ г. Муравьева. Чтобы упрочить мо-
„гущество свое и придать себѣ болѣе силы и вѣса, Кіятъ пе-
„редъ туркменами хвалился дружественными сношеніями сво-
„ими съ русскими, а послѣднихъ увѣрялъ въ значительности
„и важности своей между первыми Оказанное Кіяту за услу-
„ги эти правительствомъ нашимъ вниманіе, а наконецъ и по-
„ѣздка его, Кіята, въ Тифлисъ окончательно утвердили за
„нимъ самопроизвольное владычество надъ островомъ, на ко-
„торое не имѣлъ онъ ни какого права".

„Соль и нефть Челекеня снабжаютъ всю прибрежную
„Персію. Вотъ почему бакинская нефть напа нейдетъ дальше
„Ленкорана. Нефтяные источники на островѣ столь значитель-
„ны, что одинъ астраханскій купецъ, какъ слышно, вызывался
„платить за нихъ нѣсколько десятковъ тысячъ откупной цѣны.
„Челекенская нефть и прежде того давала поводъ къ корчем-
„ству, а потому главнокомандующіе Закавказскимъ краемъ (по
„крайней мѣрѣ въ прежнія времена) отряжали особые мор-
„скіе крейсеры къ острову для предупрежденія этого зла,
„подрывающаго нашъ бакинскій откупъ. Еще одно обстоятель-
„ство заслуживаетъ особаго вниманія: отъ Челекеня пролегаетъ
„малоизвѣстная, но удобная и самая краткая, дорога на Хиву;
„по ней всего только 11 дней караваннаго ходу. Кіятъ, какъ
„слышно было, съ намѣреніемъ скрылъ путь этотъ отъ г. Му-
„равьева".

„Изъ всего этого видно, что островъ Челекень составля-
„етъ для насъ въ торговомъ и другихъ отношеніяхъ немало-

„важную точку, хотя доселѣ ею никто не пользовался, и что „правительство наше имѣетъ полное и законное право объя- „вить островъ этотъ своимъ“.

„Если позволено будетъ мнѣ, человѣку въ этомъ дѣлѣ „постороннему,—заключалъ Перовскій,—сказать для общей „государственной пользы мнѣніе мое, то я бы полагалъ, что „азіатскому департаменту всего ближе и приличнѣе взять въ „вѣдомство свое островъ Челекень, который дастъ довольно „значительный новый доходъ, сблизитъ насъ съ этой точки съ „туркменами, хивинцами и персіянами, породитъ новыя сред- „ства къ развитію промышленности и торговли нашей и на- „конецъ представитъ немаловажную въ военно-политическомъ „отношеніи опорную точку. Министерство финансовъ, какъ ка- „жется, не имѣетъ никакихъ видовъ на Челекень, а слѣдова- „тельно предполагаемое мною причисленіе острова въ вѣдомст- „во азіатскаго департамента не имѣло бы никакого затрудне- „нія. Я думалъ бы даже, что если бы Высшее правительство „и захотѣло признать, что туркменецъ Кіятъ имѣетъ какое „либо право на владѣніе островомъ Челекенемъ, то и тогда „было бы приличнѣе отобрать островъ въ вѣдѣніе казны, а „Кіяту дать единовременное вознагражденіе или назначить „пенсію“.*)

Однако еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія островъ Челекенъ не былъ занятъ русскими и нахо- дился почти въ исключительномъ пользованіи семейства Кіята. Такъ по крайней мѣрѣ полагали наши канцеляріи и наши вла- сти почему-то считали островъ Челекень даже частною собст- венностью этого туркменскаго семейства, а потому въ виду предложенья занять островъ возникъ въ нашихъ канцеляріяхъ вопросъ о вознагражденіи за него потомковъ Кіята, какъ за частное имущество, отходящее въ казну, тогда какъ общест- венное достояніе туркменъ со времени подданства Россіи долж-

*) Дѣло Погран. отд. Канц. Оренб. Воен. Губ. 1835 г. „По просьбѣ туркменъ по принятіи ихъ подъ покровительство Россіи“: Дѣло Канц. Оренб. и Сам. Ген. Губ. 1858 г. № 90 «О позволеніи поручику Бенардаки устроить постоянное рыбо- ловство въ Красноводскомъ заливѣ Каспійскаго моря» -

но было считаться достояніемъ Имперіи. Такой взглядъ на права Россіи раздѣляло и русское правительство. Такъ, еще въ 1842 году при отправленіи посольства въ Хиву ему было поручено предъявить хивинскому владѣльцу, что все восточное побережье Каспійскаго моря до устья р. Гюргеня должно быть признаваемо безусловно принадлежащимъ Россіи, какъ потому, что тамъ еще въ началѣ XVIII ст. были возведены русскія крѣпости, такъ и въ особенности потому, что прибрежные туркмены приняли на подданство Россіи присягу. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось такъ же объявить хивинскому хану о намѣреніи нашего правительства устроить на этомъ побережьи военное укрѣпленіе*). Хотя это послѣднее намѣреніе еще долгое время оставалось намѣреніемъ!

Заявляя такъ предъ хивинскимъ ханомъ о правахъ Россіи на морское побережье, наше правительство все-же никакъ не рѣшалось на самомъ дѣлѣ осуществить эти свои права,—не рѣшалось завѣдомо признать туркменъ своими подданными и подчинить ихъ непосредственной своей власти.

За отдаленностью туркменскихъ степей казалось весьма труднымъ справляться съ кочевыми хищниками, умиротворить, заставить ихъ исполнять свои требованія, жить мірно, отстать отъ набѣговъ, грабежей и разбоевъ. Въ то же время было нежелательно принимать на себя отвѣтственность и ссориться съ сосѣдями изъ-за буйствъ и своеволія неспокойныхъ подданныхъ. По той же причинѣ, какъ мы видѣли, было отклонено въ 1858 году предложеніе о подданствѣ и Ата-Муратъ хана.

Въ томъ же 1858 году у насъ опять возникаетъ предположеніе объ усиленіи и развитіи торговыхъ сношеній съ туркменами юго-восточнаго побережья независимо отъ ашуръ-адин-

---

*) Дѣло канц. Оренб. Воен. губ. „О снаряженіи миссіи въ Бухару и Хиву“ 1841 г.; Дѣло Канц. Оренб. и Сам. ген.-губ. 1858 г. «О дозволеніи поручику Бенардаки устроить рыболовство“: Терентьевъ, „Истор. завоев. Средн. Азіи“ т. I стр. 178.

ской морской станціи.

Въ этомъ году поручикъ Бенардаки, составивъ компанію промышленниковъ, возбудилъ передъ правительствомъ ходатайство о дозволеніи ему устроить постоянное рыболовство въ Красноводскомъ заливѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ компанія просила въ видахъ ближайшаго охраненія ея промысловъ устроить въ удобномъ мѣстѣ укрѣпленную факторію.

По поводу этого ходатайства было затребовано заключеніе оренбургскаго генералъ губернатора. Къ отвѣту на это требованіе въ канцеляріи послѣдняго была составлена обстоятельная записка, излагающая „Историческое обозрѣніе сношеній Россіи съ народомъ туркменскимъ“. Къ запискѣ было присоединено и описаніе Красноводскаго залива, которое, въ виду имѣющихся въ немъ интересныхъ свѣдѣній, привожу здѣсь дословно.

„*Описаніе Красноводскаго залива.* На сѣверо-западной сторонѣ Балханскаго залива выдается въ море по направленію къ юго-востоку большая коса длиною 28 верстъ, извѣстная подъ именемъ Красноводской. Сѣверная часть этой косы въ поперечникѣ 5 верстъ; на половинѣ этой длины она суживается и имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе 60 саж. ширины; подъ конецъ же опять становится шире и, раздѣляясь на два мыса, образуетъ небольшой заливъ Кызылъ-су или Красноводскій, покойный для судовъ и имѣющій прекрасныя якорныя мѣста.

Весь западный берегъ косы, будучи открытъ, не представляетъ ни какого пристанища для судовъ; далѣе къ сѣверу онъ усѣянъ даже подводными камнями. При восточномъ берегѣ косы якорныя стоянки, напротивъ, довольно хороши, но впрочемъ по мѣрѣ приближенія къ югу, отдаляются отъ берега и, наконецъ, прерываются длинною подводною косою, тянущейся отъ мыса Порокли далеко въ море. Коса эта исчезаетъ немного недоходя до косы Кополчи, идущей съ юга отъ лежащаго вблизи острова Челекень или Нефтянаго, и кончается

подводными островами, изъ коихъ нѣкоторые показываются изъ моря осенью и зимою во время маловодія.

Каменныя горы, идущія по сѣверному берегу Балханскаго залива, пересѣкаются при началѣ Красноводской косы скалою Койната и отъ этого мѣста идутъ по Красноводской косѣ въ видѣ цѣпи пологихъ покатостей, кончающихся по серединѣ ея возвышеніемъ Кара-Баба. Къ югу отсюда западный берегъ покрытъ невысокими песчанными буграми, восточный же весь состоитъ изъ ракуши.

На сѣверной половинѣ восточнаго берега косы земля ничего не производитъ кромѣ кустовъ джидовника. Тутъ встрѣчается во множествѣ хорошая глина, весьма удобная для строеній, и также мягкій бѣлый песчанный камень, смѣшанный съ раскушею, который легко отдѣлывается въ плиты разнаго вида и величины.

Южная половина Красноводской косы производитъ на песчанныхъ буграхъ высокую игловатую траву, которая растетъ кустами и можетъ замѣнять сѣно для лошадей; по низкимъ мѣстамъ видны и камыши, но въ весьма маломъ количествѣ. На сѣверной половинѣ есть много солончаковъ и одно озеро съ хорошею солью розоваго цвѣта (отъ присутствія іодина), имѣющее около версты въ поперечникѣ. Прежде, когда наши суда приходили къ этимъ берегамъ за солью, означенное озеро доставляло нѣкоторую пищу мѣстной промышленности; но нынѣ, какъ это запрещено, оно остается безъ разработки.

По всей Красноводской косѣ нѣтъ ни одной даже рѣчки. Пресная вода добывается только по нѣкоторымъ мѣстамъ въ колодцахъ, преимущественно на западномъ берегу косы. При началѣ ея находятся издавна вырытые колодцы Сегрышемъ, около которыхъ кочуютъ туркмены; тутъ же сѣятъ даже арбузы и дыни и они принимаются очень хорошо. Отсюда къ сѣверу по всему почти берегу моря отъ Кара-Бугазскаго залива земля заключаетъ въ изобиліи хорошую пресную воду. И на

югъ отъ Сегрышема встрѣчается пресная вода, но худшихъ качествъ.

У самой вершины Красноводскаго залива, тамъ, гдѣ соединяются двѣ косы, составляющія оконечность Красноводской, видны остатки укрѣпленія, построеннаго княземъ Бековичемъ въ 1717 году. Предъ укрѣпленіемъ находятся два озера съ стоячею морскою водою, тяжелыя испаренія которой заражаютъ воздухъ.

Тутъ же поблизости есть родникъ съ соленою водою, остающеюся холодною въ самые жаркіе дни.

Климатъ здѣсь не долженъ быть здоровъ, какъ по причинѣ помянутыхъ озеръ, такъ и отъ вѣтровъ, которые свободно дуютъ со всѣхъ сторонъ и бываютъ очень сильны. Къ тому нѣтъ и умѣренности: лѣтомъ жестокіе жары, а зимою ощутительные холода.

Восточные берега Красноводской косы покрываются иногда и льдомъ; но самый заливъ Красноводскій никогда не замерзаетъ почему пристань эта, имѣющая порядочную глубину и закрытая со всѣхъ сторонъ, можетъ назваться очень хорошею; она имѣетъ по $1^1/_2$ версты въ длину и ширину.

Отъ восточныхъ береговъ Красноводской косы идетъ сѣверный берегъ Балханскаго залива. Онъ состоитъ почти весь изъ горъ, простирающихся вплоть до Балханскихъ, которыя составляютъ, судя по словамъ г. Муравьева „богатѣйшее мѣсто по всему восточному прибрежью Каспійскаго моря“. На протяженіи этомъ находятся вездѣ колодцы съ прекрасной пресною водою. Глубина моря по всему берегу до Куба-Сенгира хороша; равно какъ хорошъ и грунтъ для якорныхъ стоянокъ. Отъ мыса Куба-Сенгира берегъ поворачиваетъ нѣсколько къ сѣверу и образуетъ большой заливъ; далѣе принимаетъ онъ направленіе къ Ю. В. З. и огибаетъ съ сѣверной стороны длинный узкій и мелкій заливъ, составляющій самое восточное углубленіе Балханскаго; поперечникъ его, имѣющій не болѣе 6 верстъ, оканчивается у сѣвернаго берега полуострова

Дарджи. Въ этотъ-то заливъ, какъ полагаютъ, изливала прежде воды свои Аму-Дарья

Въ 1819 году, во время поѣздки г. Муравьева въ Хиву, кочевало у этого мѣста около 1000 семействъ туркмень-Ямудовъ, искавшихъ подданства Россіи; но спустя два года, въ 1821 году. при вторичномъ посѣщеніи этой стороны Муравьевымъ, равно какъ и въ экспедицію къ восточнымъ берегамъ Каспія въ 1835 году, не было уже найдено тутъ никого изъ жителей. 12 января 1858 года. Оренбургъ.“ *)

Несмотря на благопріятное заключеніе оренбургскаго генералъ губернатора просьба компаніи поручика Бенардаки не была удовлетворена. Доставленными свѣдѣніями не удовольствовались, а опять признано необходимымъ произвести новое подробное обслѣдованіе восточнаго берега Каспійскаго моря, для чего весной 1859 года была снаряжена большая ученая экспедиція подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Дандевиля.*)

Во время работъ этой экспедиціи вблизи Красноводскаго залива 6-го іюля къ начальнику ея явился сынъ упоминавшагося выше туркменскаго старшины, получившаго потомъ титулъ хана, Кіята,-Кадыръ-ханъ. Онъ представился въ жалованномъ почетномъ халатѣ изъ термаламы, съ золотой медалью на шеѣ и съ украшеннымъ каменьями кинжаломъ, пожалованными ему въ бытность въ Петербургѣ по окончаніи экспедиціи Кавелина, которому Кадыръ сопутствовалъ.

Кадыръ-ханъ заявилъ полковнику Дандевилю желаніе свое и его семейства передать въ распоряженіе Государя Императора ихъ родовую землю, лежащую при устьѣ р. Гюргеня, извѣстную подъ именемъ Серебрянаго бугра (Гюмишъ-Тепе) съ окрестностями. Вслѣдъ за этимъ словеснымъ заявленіемъ въ подтвержденіе его Кадыръ-ханъ 8-го іюля представилъ начальнику экспедиціи письменное прошеніе на Высочайшее Имя съ изложеніемъ и объясненіемъ выраженнаго имъ устно желанія. Содержаніе прошенія слѣдующее:

---

*) Дѣло Канц. Оренб. и Сам. ген.-губ 1858 г. „О дозволеніи поруч. Бенардаки устроить пост. рыбол. въ Красновод. заливѣ Каспійск. моря“.

*) Лобысевичъ „Поступ. движ въ Средн. Азію“ стр. 126.

„Великому, правосудному, имѣющему обширныя владѣнія какъ Соломонъ, мудрому какъ Лукманъ, побѣдоносному какъ Искандеръ, щедрому какъ Хатимъ-Тай, Царю Царей и Государю Государей. Великому Императору Александру Николаевичу, царствованіе котораго Господь да сохранитъ на вѣки,

Туркменскаго хана Кадыръ-Мухамедъ-Хана Ніязова.

Всеусерднѣйшее прошеніе.

„Отецъ мой покойный Кыятъ-ханъ, не щадя имущества и жизни, служилъ Россійскимъ Государямъ всегда и словомъ и дѣломъ училъ своихъ дѣтей служить имъ.

„Съ тѣхъ поръ мы, дѣти Кыятъ-хана, служили послѣдовательно тремъ Государямъ. Они благосклонно принимали нашу службу и оказывали намъ правосудіе и милости.

„Между тѣмъ наша страна, будучи безъ главы, съ каждымъ годомъ болѣе разстраивается. Туркмены не повинуются одному хану, добрые люди, не находя опоры, не могутъ наслаждаться благами жизни, злые, не боясь ни какого суда и расправы, дерзко дѣлаютъ набѣги, убиваютъ, грабятъ, берутъ въ плѣнъ, пресѣкаютъ торговые пути; зло усилилось, добро подавлено. По случаю смятеній и междоусобій въ Хивѣ прекратились и торговыя сношенія между Хивой и туркменами. Оплакивая такое положеніе, куда мы ни обратимъ взоры, нигдѣ не можемъ найти врачеванія злу, кромѣ Великихъ Государей Россіи. Посему всеусерднѣйше просимъ Великаго Государя Императора, чтобы онъ обратилъ милостивый взоръ на насъ—дѣтей Кыятъ-хана и на всѣхъ туркменъ, принялъ бы участіе въ нашихъ горестяхъ, благоустроилъ бы безпорядочное положеніе нашей страны, учредилъ школы для духовнаго и общежительнаго образованія нашихъ и всѣхъ туркменскихъ дѣтей, покровительствовалъ добрымъ, удерживалъ отъ дурныхъ поступковъ злыхъ людей стражемъ своего гнѣва и отправляя изъ своего государства необходимые для пищи и одежды то-

вары, повелѣлъ бы обмѣнивать ихъ на туркменскій скотъ и произведенія и такимъ образомъ обогатилъ бы нашу страну.

„Вторая просьба наша слѣдующая: есть у насъ наслѣдственное владѣніе—земля, между р.р. Гюргенемъ и Атрекомъ, извѣстная подъ именемъ Серебрянаго бугра,—эту землю съ окрестностями мы повергаемъ къ стопамъ Великаго Государя Императора и просимъ, дабы Государь Императоръ благоволилъ не презрѣть нашего малаго представленія, но почтить насъ благосклоннымъ принятіемъ онаго и на этой землѣ, или гдѣ угодно будетъ, для исполненія вышеупомянутыхъ и другихъ благъ туркменамъ, повелѣлъ бы устроить главное заведеніе и предпріятія, какіе Богъ положитъ на Его царское сердце, чѣмъ оказалъ бы Государь Императоръ всей туркменской странѣ истинно отеческую милость.

„Писалъ и печать приложилъ Кадыръ-Мухамедъ-ханъ Ніязовъ, въ лагерѣ близъ Красноводскаго залива 1275 года Гиджры 18 дня, мѣсяца Зульхиджэ (1859 г. 8-го іюля)“.*)

Въ своемъ прошеніи, какъ видимъ, Кадыръ-ханъ говоритъ о принадлежащей его семейству землѣ въ устьѣ Гюргеня и не упоминаетъ ничего о Челекенѣ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что островъ Челекенъ вовсе не составлялъ имущественной собственности семейства Кіятъ-хана, какъ это думала канцелярія оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора.

Въ теченіе 1859 года экспедиція полковника Данделиля подробно обслѣдовала восточное морское побережье, собрала обширный матеріалъ и для устройства русскаго укрѣпленія намѣтила мѣсто въ Красноводскомъ заливѣ. Но возведеніе здѣсь постояннаго военнаго поста опять было отложено на неопредѣленное время и осуществилось лишь спустя десять лѣтъ.

Съ основанія и заведенія г. Красноводска начинается новый періодъ подчиненія русской власти туркменскихъ степей, закончившійся образованіемъ Закаспійской области и присоединеніемъ Мервского оазиса и поселеній по Мургабу и Кушкѣ въ 1885 году.

На этомъ я и закончу свой очеркъ.

---

*) Журналъ экспед., снаряженной для обозрѣнія восточн. берега Каспійскаго моря въ 1859 году. Стр. 49-149, въСборн. матер. по Средн. Азіи М. Н. Галкина.

Копія.

Божію Милостію

Мы Александръ Первый,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Вѣрноподданнымъ Абдальскаго при Мангышлакѣ отдѣленія Трухменъ Бекамъ, Біямъ, Батырямъ и всему ихъ обществу, занимающему съ народомъ своимъ пространствы мѣстъ Огры, Менгли-Ходжа, Кубанъ и далѣ, Наше Императорскаго Величества поздравленіе.

Присланные отъ васъ и онаго народа къ Императорскому Престолу Нашему почтеннѣйшіе депутаты Мулла-Довлетъ-Мурадъ Ніязовъ Багадуровъ, Бегенджи-Мурадъ-беевъ, Тогульга Кара Багадуровъ и Ирали-дорджа Мурадовъ поданнымъ отъ имени всего вѣрноусерднаго общества вашего и народа Министерству Нашему прошеніемъ, донеся о совокупномъ желаніи вашемъ и народа вступить въ высокое Имперіи Всероссійской покровительство, просили съ принятіемъ васъ въ оное построить крѣпость при Мангышлакѣ для защиты каравановъ вашихъ отъ нападеній непріятелей и позволить по прежнему производить ловъ тюленей при урочищѣ Гедикъ близъ Караганской гавани и на покровительство снабдить васъ грамотою.

А какъ небезъизвѣстно Намъ, Великому Государю, о томъ искреннемъ вашемъ къ Престолу Нашему усердіи и преданности по всегдашнемъ тщаніи вашемъ заслуживать высокое Наше благоволеніе и покровительство, о чемъ какъ отъ помянутыхъ депутатовъ, такъ и отъ пограничнаго начальства и отъ Министерства Нашего Намъ, Великому Государю, донесено и засвидѣтельствовано, то Мы снисходя на таковое общее ваше почтенные Беки, Біи, Батыри и подвластный вамъ народъ, прошеніе и всемилостивѣйше удостаивая по желанію принятіемъ

васъ въ высокое Наше покровительство, не оставили въ томъ же случаѣ къ защитѣ вашей и къ пользѣ обоюднаго купечества повелѣть Нашему генералъ-лейтенанту и астраханскому военному губернатору князю Цыціянову сообразить строеніе просимой вами крѣпости, которая по соображенію мѣстной удобности и роду, какого ей быть слѣдуетъ, и по полученіи отъ него начертанія оной немедленно съ утвержденія Нашего сооружена будетъ и снабдится потребнымъ числомъ людей къ содержанію ея и къ защищенію васъ и купечества, о чемъ и дастся тогда жъ повелѣніе; прошеніе ваше о ловлѣ при Гедикѣ Мы предписали удовлетворить.

О каковомъ Высочайшемъ Нашемъ соизволеніи и покровительствѣ симъ вамъ объявляя, надѣемся отъ усердія вашего и преданности къ Императорскому Престолу Нашему, что вы, пользуясь таковою высокомонаршею Милостію и признавая въ лицѣ помянутаго Нашего генерала лейтенанта новаго о безопасности вашей попечителя и ходатая, не оставите почитать его таковымъ, и должное съ вашей стороны въ чемъ нужно по тамошнему краю и обстоятельствамъ свѣденіе и пособіи ему доставлять, оказывая послушаніе во всемъ, что ко благу народа и пользѣ и Нашего Императорскаго служенія относиться можетъ, по другому жъ прошенію вашему, нынѣ изъ Мангышлака полученному, Мы повелѣли вамъ отвѣтствовать государственному канцлеру графу Воронцову. Впрочемъ Мы, Великій Государь, Наше Императорское Величество, отправляя къ вамъ вышесказанныхъ депутатовъ и изъявляя высокомонаршее Наше всѣмъ вамъ вѣрноусердные Беки, Біи, Батыри и всѣму подвластному вамъ абдальскаго отдѣленія народу благоволеніе, увѣряемъ что сверхъ покровительства Нашего по мѣрѣ добраго и спокойнаго вашего пребыванія и послушанія помянутому генералу-лейтенанту, всегда въ Насъ найдете особую Императорскую къ Вамъ милость, пребываемъ благосклонные. Дана въ Санктпетербургѣ Нашей столицѣ Апрѣля 16 дня отъ Рождества Христова 1803-го, государствованія Нашего третьяго года. Подлинная подписана Собственною Его Импе-

раторскаго Величества рукою тако: „Александръ“. Графъ Александръ Воронцовъ.

У сей грамоты приложена Государственная печать.

Взята изъ дѣла Туркест. арх. „О переселеніи туркменъ Чаудоровъ на Мангышлакъ“. Нач. 8 августа 1873 г.

М. Юдинъ

КЪ СТРАНИЦѢ 22.

КОНЕЦЪ V ГЛАВЫ.

За позднимъ временемъ и по причинѣ развившейся между людьми экспедиціи болѣзни, Муравьевъ не успѣлъ произвести обозрѣнія заливовъ Карабугазскаго и Кендерлинскаго, изслѣдованіе которыхъ также представлялось необходимымъ. Однако, устройство укрѣпленія на избранномъ мѣстѣ было оставлено изъ опасенія вреднаго вліянія на состояніе здоровья гарнизона имѣющейся здѣсь воды, хотя и годной къ употребленію, но „не лучшаго качества“.

Черезъ десять лѣтъ послѣ того, въ 1830 году, назначенный на мѣсто генерала Ермолова, графъ Паскевичъ посылалъ изъ Тифлиса къ туркменамъ есаула Лалаева съ порученіемъ, развѣдать, чрезъ сближеніе съ Кіатъ бекомъ и съ другими старшинами, „въ какомъ отношеніи находятся и каково расположены Туркмены къ Персіи, Хивѣ и Россіи“.

Лалаевъ донесъ, „что Туркмены весьма преданы Россіи и предпочитаютъ ее прочимъ Государствамъ, что всѣ ихъ поколѣнія въ политическомъ отношеніи согласны между собою и что разногласія, раздоровъ и междоусобій, прежде случавшихся, нынѣ не бываетъ, и вслѣдъ затѣмъ Лалаевъ снова былъ посланъ въ Туркменію для приглашенія почетнѣйшихъ старшинъ прибыть въ Тифлисъ для переговоровъ о торговлѣ.

Результатъ этихъ переговоровъ мнѣ неизвѣстенъ

Авторъ.

Карта

ЗАУРАЛЬНЫХЪ и ЗАКАСПІЙСКИХЪ СТЕПЕЙ.

Масштабъ
въ 1 дюймѣ 120 верстъ.

Оренбургъ
Орскъ
Уральскъ
Астрахань
Гурьевъ
Иргизы
Киргизы
Калмыки
Малой Орды
Большой Орды
Ногайцы
Кайсаки
Кара-Кумъ
Казалинскъ
Аральское море
Усть-Уртъ
Александровскъ
Разъ. Укр. св. Петра
Мангышлакъ
Мертвый Култукъ
Новоалександровское зим.
Сол. оз. Кара-тюбе
Сол. оз. Барса-Кельмесъ
Ор. Батырь
Островская
Зал. Киндерли
Кунградъ
Ханка
Ильялы
Ургенчъ
Петро-Александровскъ
Хива
Бухара
Карши
Чарджуй
Керки
Бухарцы
Ерсари
Кара-Туркмены
Серахсъ
Мешхедъ
Персія
Тегеранъ
Астрабадъ
Сарыкъ-Салоры
Серебряный бугоръ (Гюкчай-Тепе)
Красноводскъ
Красноводскій
Баку
Петровскъ
Чикишляръ
Ильинскій
Ер. Челекенъ
о. Огурчинскій
Томуды
Ер. Кара-Богазъ-Голь
Зал. Кара-Богазскій
Зал. Гассанъ-Кули
Коса Красноводская
Рейд Новое Бековичъ
Зал. Мертвый Култукъ
Зал. Александровскій
Зал. Мертвый Култукъ
Ер. Бузачи
Ер. Мертвый Култукъ
Ер. Мертвый Култукъ
Ер. Мертвый Култукъ

Ногайцы

М. М. Тюбъ-Карханъ

Ф. Александровскій

Разв. укр. св. Петра

Полуос. Мангышлакъ

Бузачи

Адаевцы

Зал. Цесаревича

Мертвый Култукъ

Ново-Александровское ук

Сол. гр. Кара-тк

Усть-Урт

Сол. гр. Барса Кальме

Оз. Чумышлы

Море

м. Мѣловой ф.

Оз. Батырь

Петровскъ

м. Песчаный

Зал. Александръ-бай

Зал. Киндерли

Оз. Сары-Кам

Баку

Зал. Кара-Бугазскій

Пр. Кара-Бугазскій

Бор. Бѣлханскія

Красноводскъ

Коса Красноводская

Разв. Крѣп. Бековичъ

о. Челекенъ

Зал. Красноводскій

о. Огурчинскій

Омуды

Чикишляръ

Зал. Гассанъ-Кули

Оз. Ашыро-Адъ

Зал. Астрабадскій

Серебряный бугоръ

Астрабадъ

Каспійское

Лито-Литографія "Карлова, Хусаинова и К°" въ Оренбургѣ.

ДАЕВ

оз. Чумышлы

о. Косъ-Бийлкъ

о. Асмантлъ

КСАНДРОВСКОЕ УКР.

Сол. гр. Кара-тюлей

Усть-Уртъ

гр. Барса Кальмесъ

Кунградъ

Ходжейли

Куня-Ургенчъ

Порсу

Ильялы

Оз. Сары-Камышъ

Кипчакъ

Мангытъ

Ташауз

Гурленъ

Хазаватъ

Ургенчъ

Петро-Александровскъ

Хива

Хазаръ-Ислъ

Казалинскъ

Р. Сыръ-Дарья

Аральское море

Пески Кызыл-Кумы

Бухара

Чарджуй

Ергали

Мервъ

Кара-Туркмены

Сарыки-Салоры

Асхабадъ

Теке-Атеки

Мешхедъ

ебряный бугоръ (Гюмишъ-Тепе).

Карта

ЗАУРАЛЬНЫХЪ и ЗАКАСПІЙСКИХЪ СТЕПЕЙ.

Масштабъ
въ дюймѣ 120 верстъ.

120 в. 90 60 30 0 120 240 верстъ.

Р. Сакмара
Р. Урал
Орскъ
Р. Илекъ
Р. Эмба
Бывш. Эмбенское Укр.
Р. Ирги
Иргизъ
Р. Улу-Джилганджикъ
оз. Челкаръ
Пески Кара-Кумъ
Казалинскъ
Р. Сыръ-Дарья
Аральское море
о. Косъ-Булакъ
о. Асмантай
оз. Чумышлы
Александровское Укр.
Сол. гр. Кара-тюлей
Усть-Уртъ
гр. Барса Кальмесъ
Кунградъ
Ходжейли
Куня-Ургенчъ
Порсу
Кипчакъ
Мангытъ
Ташауз
Курлень
Ильялы
Хазаватъ
Ургенчъ
Петро-Александровскъ
Хива
Хазаръ-Аспъ
Os. Сары-Камышъ
Кызыл-Кумы

Къ ст. „Начало кочевій въ Туркм

Оренбургъ
Уральскъ
Астрахань
Бывш. Эмбенское
Жилая-Коса
Гурьевъ
Ново-Александровское укр.
Сол. гр. Нара-тюлей
Усть-Уртъ
Сол. гр. Барса Кальмесъ
Раз. укр. св. Петра
Мангышлакъ
Александровскій
Петровскъ
Баку
Ос. Сары-Камышъ
Озеро Чумышлы
Зал. Кара-Бугазскій
Зал. Кендерли
Зал. Александровскій
Зал. Цесаревича
Мертвый Култукъ
Полуос.
м. Песчаная
м. Мѣловой
о. Батырь
Острова Прорвинскіе
Бузачи
Ногайцы
Киргизы Кайсаки
Киргизы Малой Орды
Киргизы Адаевцы
Туркмены Адаевцы
Туркмены
Киргизы Алимбетовцы
Киргизы Алимбетовцы и Малой Орды
Киргизы Малой Орды
Киргизы Малой Орды и Адаевцы
Киргизы Малой Орды и Туркмены
Киргизы Малой Орды и Алимбетовцы
Киргизы Алимбетовцы и Адаевцы
Киргизы Адаевцы и Туркмены
Туркмены Адаевцы и Ногайцы
Ногайцы и Адаевцы
Ногайцы
Туркмены
Море Каспійское
Море Каспійское
Море Каспійское